

ЗАПИСКИ КАВКАЗЦА.

Посвящается дочери моей Евгеніи Ивановнѣ.

ГЛАВА I.

Штабъ-лѣкаръ Дроздовъ.—Начальникъ Георгіевскаго арсенала Водопьяновъ.—Рожденіе графа Н. И. Евдокимова.—Князь Голицынъ.—Балъ у него въ Пятигорскѣ.—Смерть Лермонтова.—Отзывъ о Лермонтовѣ Пятигорскаго священника.—Тревога въ Пятигорскѣ въ 1846 г.—Дуваль князя Горчакова и барона Фитингофа.

Отецъ мой, штабъ-лѣкаръ Иванъ Ефремовичъ Дроздовъ, въ свое время популярный на Кавказѣ и какъ врачъ, и какъ добрый человѣкъ, оказывавшій пособіе страждущимъ не только знаніями медицинскими, но частенько и кошелькомъ своимъ, поселился въ Пятигорскѣ въ 1835-мъ году, гдѣ, выражаясь его собственными словами, онъ и за-сѣлъ, какъ Илья Муромецъ на дубъ, съ котораго не слѣзаль до кончины своей въ 1868-мъ году, не взирая на весьма выгодныя предложенія начальства.

Женился онъ въ Тифлисѣ въ 1826-мъ году на дочери начальника Тифлисскаго арсенала, Марѣѣ Николаевнѣ Водопьяновой. Дѣдъ, Николай Матвѣевичъ, пользовался благоволеніемъ Алексѣя Петровича Ермолова, который нерѣдко заглаживалъ къ нему въ гости. Матушка часто вспоминаетъ о немъ. Въ Тифлисѣ Николай Матвѣевичъ переведенъ Ермоловымъ изъ областного города Георгіевска, гдѣ онъ тоже завѣдывалъ арсеналомъ.

Нельзя обойти молчаніемъ обстоятельства, имѣющаго немаловажное значеніе въ жизни графа Николая Ивановича Евдокимова. Въ бытность дѣда моего въ Георгіевскѣ, въ канцеляріи арсенала, въ числѣ писарей, находился унтеръ-офицеръ Иванъ Евдокимовъ, любимый дѣдомъ моимъ за трудолюбіе и хорошій почеркъ. Жена Евдокимова была отличная прачка, что въ тѣ времена считалось большою рѣдкостью, а потому бабушка весьма благоволила къ ней. Однажды Иванъ Евдокимовъ заявилъ дѣду моему, что Богъ посѣтилъ его радостью, даровавъ ему сына, котораго и нарекли въ честь его высокоблагородія Николаемъ; а посему онъ просилъ его быть восприемнымъ отцомъ

новорожденному Николаю. Дѣдушкѣ, не любившей церемоніаловъ, отказался и направилъ Евдокимова къ бабушкѣ, которая и исполнила просьбу его весьма охотно, воспринявъ при крещеніи будущаго графа.

Незадолго до переѣзда моего дѣда въ Тифлисъ онъ представилъ Ивана Евдокимова въ чинъ унтеръ-цейгвахтера и назначилъ его завѣдующимъ артиллерійскимъ складомъ въ Темнолѣсскій штеръ-шанецъ, въ 35 верстахъ отъ Ставрополя, куда изъ Георгіевска, извѣстнаго и тогда и нынѣ лишь изумительною грязью и кладбищемъ титулярныхъ совѣтниковъ, былъ переведенъ штабъ командующаго войсками Кавказской линіи.

Подъ руководствомъ отца моего, Николай Ивановичъ выучился читать и писать по-русски и 16-ти лѣтъ былъ опредѣленъ писцомъ въ штабъ командующаго войсками. Карьеры никакой, а между тѣмъ въ то время въ Дагестанѣ война съ горцами была уже не шуточная, и молодымъ людямъ, жаждавшимъ военныхъ отличій, открылось видное поприще. Николай Ивановичъ рвался туда, гдѣ онъ былъ бы на мѣстѣ и къ чему онъ чувствовалъ призваніе.

Съ помощью дѣда моего, Евдокимовъ переведенъ былъ въ пѣхотный Дагестанскій полкъ, въ рядахъ котораго скоро заслужилъ чинъ прапорщика. Красивый, стройный прапорщикъ Евдокимовъ кое-какъ добрался до Тифлиса и явился къ моей бабушкѣ. Бабушка, искренно радуясь успѣху по службѣ крестника ея Николаши, не пожалѣла денегъ на обмундированіе юнаго офицера и на снаряженіе его, т. е. купила и подарила ему пару лошадокъ, вьючные сундуки, погребецъ и, снабдивъ его деньжонками, благословила въ путь-дорогу.

Я рассказываю объ этомъ случаѣ по преданіямъ, имѣя въ виду будущую мою встрѣчу съ его сѣятельствомъ въ Майкопскомъ отрядѣ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Родился я въ 1837-мъ году въ городѣ Пятигорскѣ. Крестнымъ отцомъ моимъ былъ полковникъ князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ, а крестною матерью извѣстная въ то время красавица графиня Орлова-Денисова. О графинѣ Орловой ничего не могу сказать, ибо не зналъ ея; что же касается князя Голицына, участіе котораго ко мнѣ впоследствии имѣло вліяніе на всю мою будущность, то о немъ я позволяю себѣ сказать нѣсколько словъ.

Младшій сынъ полнаго генерала князя Голицына, князь Владиміръ Сергѣевичъ отъ природы былъ съ избыткомъ надѣленъ всѣми дарами

ся. Вигель въ Запискахъ своихъ называетъ его Аполлономъ Бельведерскимъ, но кромѣ этого онъ обладалъ острымъ умомъ, основательнымъ образованіемъ, храбростію Байарда и великодушіемъ и щедростію Русскаго вельможи.

При взятіи Парижа, будучи флигель-адъютантомъ императора Александра I, онъ раненъ былъ пулею въ щиколку правой ноги, и рана эта никогда не закрывалась. На Кавказѣ въ 1838 году, командуя кавалеріей въ отрядѣ генераль-адъютанта Граббе, въ экспедиціи предшествовавшей наступленію къ Ахульго, онъ былъ раненъ пулею же въ плечо. Рана была тяжелая, и князю пришлось выѣхать изъ отряда, чтобы вынуть глубоко застрявшую пулю и лѣчиться, для чего онъ и пригласилъ въ Пятигорскъ отца моего. Отецъ, вырѣзавшій пулю у князя изъ плеча, рассказывалъ, что во время операціи князь преспокойно читалъ Французскій романъ и курилъ сигару, не издавъ ни одного стопа; и только когда перевязывалось пораненное мѣсто, онъ спросилъ отца, скоро ли кончится?

Каждое лѣто князь Голицынъ пріѣзжалъ съ семействомъ своимъ въ Пятигорскъ, и вокругъ него собиралось лучшее общество пріѣзжихъ изъ Россіи и изъ Кавказской арміи, въ рядахъ которой въ тѣ времена служили нѣкоторые изъ представителей Русскихъ знатныхъ семей. Въ 1841 году къ обществу князя примкнулъ и Лермонтовъ; и лучшимъ доказательствомъ того, что князь Голицынъ относился съ вниманіемъ и уваженіемъ къ великому нашему поэту служить то, что въ день смерти его, 15-го Іюля, онъ не праздновалъ именинъ своихъ. Благодаря его настоянію, Лермонтовъ погребенъ былъ по обряду христіанскому.

Баль по случаю именинъ князя назначенъ былъ въ казенномъ саду, и для праздника этого были уже сдѣланы большія издержки. За отсутствіемъ супруги князя, хозяйкой бала согласилась быть графиня Орлова-Денисова. По рассказамъ матушки, баль состоялся на другой день; но какъ хозяйка бала, такъ и гости, были въ очень грустномъ состояніи духа, за исключеніемъ молодежи, всегда эгоистично относящейся къ личнымъ удовольствіямъ; да, наконецъ, въ то время не все знали, или правильно не сказали, сознавали, какую тяжкую утрату понесла Россія въ преждевременной и насильственной кончинѣ великаго поэта.

Въ Іюль прошлаго 1895-го года, въ Пятигорскѣ я видѣлъ памятникъ Лермонтову, поставленный на базарѣ, у подножія Католической церкви. Грустенъ и задумчивъ великій поэтъ, и взоръ бронзоваго

Лермонтова, такъ же, какъ и живого, обращенъ къ дѣвственно-бѣлымъ прекраснымъ великанамъ Кавказа.

Осмотрѣвъ памятникъ, я пошелъ въ домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, былъ въ тѣхъ комнатахъ, которыя освящены присутствіемъ въ нихъ творческой души поэта. Храмъ безъ божества все же храмъ. Отсюда недалеко до кладбища, и я отправился взглянуть на временную могилу Лермонтова. Но на кладбищѣ старику-сторожу неизвѣстно, гдѣ она была. «Вотъ, кажется, тамъ, гдѣ около стѣны много бурьяну и колючки», сказалъ мнѣ маститый стражъ. Дощечка на примѣръ съ надписью: «Здѣсь жилъ Лермонтовъ», прибита не снаружи домика, а во дворѣ, и могила его неизвѣстна. По какимъ же признакамъ можно найти домикъ и могилу?

Кстати о кладбищѣ. На этомъ кладбищѣ есть чрезвычайно загадочная могила; на надгробномъ памятникѣ, состоящемъ изъ небольшого павильона съ двумя колонками на фасадѣ, на камнѣ крупными буквами высѣчено «Анна». Матушка разсказывала мнѣ, что подъ памятникомъ этимъ погребена пріѣзжая молодая красавица, княгиня Максютова, которую она видѣла и смерть которой послѣдовала неожиданно. По всѣмъ признакамъ богатая женщина, она пріѣхала изъ Россіи въ сопровожденіи лишь прислуги. Кратковременная жизнь ея въ Пятигорскѣ и загадочная кончина, а затѣмъ ежегодныя посѣщенія въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ какого-то господина, пріѣзжавшаго въ день ея смерти прямо на кладбище (откуда онъ, послѣ ночи, проведенной на могилѣ «Анны», съ разсвѣтомъ уѣзжалъ на почтовыхъ въ богатомъ экипажѣ) могли бы послужить темою для романа невымышленнаго.

Обращаюсь къ Лермонтову. Въ день посѣщенія кладбища я встрѣтился съ однимъ старикомъ-старожиломъ, священникомъ и, разговорившись съ нимъ, спросилъ, не знаетъ ли онъ, почему священникъ Павелъ Александровскій согласился предать землѣ тѣло Лермонтова по обряду христіанскому, лишь послѣ долгихъ колебаній.

Вотъ подлинныя его слова: «Лермонтовъ былъ злой, дрянной человекъ и погибъ смертю, причисленной законами къ самоубійству. Отецъ Павелъ согласенъ былъ похоронить Лермонтова съ честью; но я возражалъ противъ этого, и ежели-бъ не давленіе князя Голицына, то онъ былъ бы зарытъ въ яму черезъ палача, какъ и заслуживалъ того».

Удивительно ли, что 16-го Іюля 1841 года наши барышни плясали на балу въ то время, когда едва остывшій трупъ поэта ожидалъ разрѣшенія быть причисленнымъ къ людямъ или къ собакамъ!?

Отецъ мой лично зналъ Лермонтова, и при встрѣчахъ раскланивались оба, а иногда и перекидывались словечкомъ-другимъ. Первая встрѣча была въ госпитальной конторѣ, куда Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ явился для освидѣтельствованія.

— Чѣмъ вы больны, Михаилъ Юрьевичъ? спросилъ отецъ.

— Да, вотъ, докторъ, у меня на рукѣ прыщикъ, который очень беспокоитъ меня.

— На какой рукѣ? спросилъ отецъ пресерьезно.

— На лѣвой.

— А! Прыщикъ на лѣвой рукѣ. Это очень важно. Впрочемъ, гуляйте, танцуйте, катайтесь, и рука заживетъ, сказалъ отецъ, засмѣявшись; а правую руку поберегите. Она столько же ваша, сколько и наша. Очень счастливъ познакомиться съ вами.

Заговоривъ о Лермонтовѣ, я отвлекся отъ описанія бала князя Голицына, въ затѣяхъ котораго былъ такой же широкій размахъ, какъ у свѣтлѣйшаго дѣда-дядюшки его, князя Потемкина.

Балъ предназначался въ казенномъ саду.

Сотни рабочихъ и мастеровыхъ, подъ наблюденіемъ архитектора, превратили аллею и площадки сада въ гостиныя; танцевальный залъ, столовыя и буфеты, которые освѣщались люстрами и разноцвѣтными фонарями, то ярко блиставшими, то проливавшими таинственный и мягкій полусвѣтъ, сквозь зелень и цвѣты; ковры, шелковыя матеріи, зеркала въ гостиныхъ, военныя арматуры въ различныхъ мѣстахъ сада, Бенгальскіе огни, которые зажигали на вершинахъ деревьевъ, искусственные гроты, танцевальный залъ, стѣны и потолокъ котораго сотканы были изъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ, фейерверкъ, вспыхивавшій въ различныхъ пунктахъ и въ разное время, роскошныя буфеты, въ которыхъ только птичьяго молока не было: вся эта роскошь и изящество производили впечатлѣніе сказочное, волшебное, довершаемое радушіемъ гостепріимнаго князя-хозяина и любезностью красавицы графини - хозяйки. Праздникъ этотъ стоилъ не одну тысячу рублей. Но князь былъ богатъ и потому не скупился на удовольствія для общества. Полторацкій, въ Запискахъ своихъ, рассказалъ эпизодъ изъ жизни Владимира Сергѣевича, понтировавшаго Мусину-Пушкину. Князь будто бы поставилъ на карту или пять рублей или милліонъ.

Анекдотъ этотъ относится къ области вымысловъ. Князь былъ большой любитель и знатокъ коммерческихъ игръ и, говорятъ, однажды выигралъ у графа Мусина-Пушкина довольно значительныя деньги, но далеко не миллионъ; и затѣмъ, ежели бы графъ Мусинъ-Пушкинъ способенъ былъ унизиться до слезной просьбы не ставить большого куша на карту, то несомнѣнно князь Владимиръ Сергѣевичъ сдумалъ бы докончить игру, не оскорбляя достоинства хозяина дома.

Но не однимъ забавамъ князь Голицынъ посвящалъ свою жизнь и дѣятельность. Онъ былъ и воинъ, и администраторъ. Въ 1846 году Большая и Малая Кабарда и Карачай не соединились съ полчищами Шамиля, уже вторгнувшагося въ Кабарду, лишь благодаря энергіи и вліянію князя Голицына на Кабардинцевъ.

Памятенъ и мнѣ 1846-й годъ. Я былъ въ то время девятилѣтнимъ мальчикомъ, но картина смятенія въ Пятигорскѣ при извѣстіи, что Шамилъ подходитъ къ Налъчику и не нынче-завтра пожалуетъ къ намъ, ясно рисуется въ моей памяти и нынѣ.

Въ виду предстоящей опасности городъ забарикадировали повозками, бревнами и старыми негодными экипажами. На отроги Машука втащили двѣ пушки, которыя за негодностью служили лишь украшеніемъ гауптвахты. Двѣ роты линейнаго батальона поставили на особенно важныхъ стратегическихъ пунктахъ внѣ города. Гарнизонъ города составили изъ инвалидной и госпитальной командъ и военно-рабочей роты, подъ начальствомъ своихъ офицеровъ и молодыхъ ординаторовъ госпиталя. Войска пылали мужествомъ и отвагой. Предстоящій бой съ дерзкимъ врагомъ одушевлялъ храбрый гарнизонъ. По улицамъ города сновали взадъ и впередъ то инвалидные офицеры, то врачи, обвѣщенные съ головы до ногъ оружіемъ всѣхъ видовъ и качествъ. Начальникомъ обороны былъ комендантъ, Петръ Александровичъ Принцъ, а начальникомъ полевыхъ войскъ полковникъ, Василій Ильичъ Монаенко. Лишь одинъ аптекарь Маниссонъ побаивался. Но что значить одинъ малодушный между сотнями отважныхъ, готовыхъ грудью встрѣтить непріятеля на всѣхъ пунктахъ отъ Машука до барикадъ на биржѣ? Недовѣрчивость и робость Маниссона подали поводъ къ стихамъ.

Маниссонъ,
 Говорять,
 Видѣлъ сопъ,
 Говорять,
 Что Шамилъ
 За сто миль
 И палить,
 И громить,
 Говорять... и пр.

Отецъ мой, Иванъ Ефремовичъ, во-первыхъ, всѣ входы и выходы во дворъ своего дома и сада, расположеннаго по горѣ, приказалъ завалить камнями. Ворота съ улицы были наглухо заперты и съ внутренней стороны приперты бревномъ. По угламъ двора и у садовой калитки на горѣ разставлено было нѣсколько вооруженныхъ солдатъ госпитальной команды. Выйти на улицу можно было, перелѣзая черезъ высокія ворота при посредствѣ лѣстницы. Лѣстница приставлялась къ воротамъ воиномъ, который, вскорабавшись по ней до перекладины на воротахъ, сначала обозрѣвалъ мѣстность по улицѣ направо и налево и затѣмъ, по надлежащемъ докладѣ о благополучіи, отецъ влѣзалъ на ворота, садился на перекладину, воинъ втягивалъ лѣстницу наверхъ, опускалъ ее на улицу, и тогда отецъ, вооруженный Азіатскою шашкою, спускался внизъ и отправлялся на службу въ госпиталь.

Подъ руководствомъ его подвалъ подъ каменнымъ флигелемъ былъ очищенъ и посыпанъ пескомъ.

Мы, дѣти, не понимали таинственности дѣйствій происходившихъ на нашихъ глазахъ, но подозрѣвали что-то ужасное.

Однажды ночью мы разбужены были необычайнымъ шумомъ и бѣготнею прислуги въ домѣ. Няньки и горничныя вздыхали, вопили, суетились, вытаскивали изъ подъ насъ тюфяки и перины. Дѣти плакали. Всѣ метались по комнатамъ, то схватывая, то бросая различную мелочь, и, наконецъ, послѣ грозно отданнаго отцомъ приказанія, всѣ по возможности успокоились, и насъ, дѣтей, полусонныхъ, потащили въ подвалъ и уложили на тюфяки и перины, свнесенные туда, продолжать прерванный сонъ. Подвалъ наглухо заперли опускною дверью снаружи. Отецъ остался на дворѣ командовать гарнизономъ. Утромъ насъ всѣхъ выпустили. Ворота отворили. Гарнизонъ нашъ отступилъ въ должномъ порядкѣ въ госпиталь. Все окончилось благополучно, если не считать нѣсколькихъ минутъ тревожнаго ожиданія попасть въ лапы Шамилевскихъ мюридовъ.

Тревога въ городѣ, а также и у насъ, произошла столько же отъ настроеннаго на подвиги воображенія, сколько отъ бдительности, прозорливости и нѣжнаго вниманія городской полиціи къ обывателямъ Пятигорска.

Ночью, неизвѣстно кто, но несомнѣнно шутникъ, крикнулъ на улицѣ: «Шамиль идетъ!» Мигомъ узнала объ этомъ полиція. Квартальные и будочники спросонья полетѣли по улицамъ оповѣстить обывателей, и вотъ одинъ изъ квартальныхъ надзирателей, подойдя къ

нашему дому, началъ изо всей силы стучать въ запертый ставень. «Иванъ Ефремовичъ! Шамиль идетъ!» Полусонный отецъ, вскочивъ съ постели, выхватилъ шашку изъ ноженъ и началъ бѣгать по комнатамъ, махая шашкой, съ крикомъ: «Гдѣ онъ? Подайте мнѣ его, подлеца!» И только послѣ возгласовъ испуганной матушки, не совсѣмъ въ то время здоровой: «Брось шашку! Ты порубишь дѣтей!!» отецъ вложилъ шашку въ ножны, одѣлся, сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи насъ въ подвалъ, а самъ отправился возбуждать и поддерживать мужество неизвѣстно куда исчезнувшаго гарнизона. Матушка храбро осталась на постели; ибо, какъ она говорила впоследствии, опасность ей предстояла двоякая: или попасть въ руки мюридовъ, или, вставъ съ постели, рисковать жизнью. А потому она и не оставила своей позиціи.

Пятигорцы трухнули, и не удивительно; ибо проказы Шамиля въ то время переходили за границы благопристойности. Въ 1843 году онъ имѣлъ дерзость взять и уничтожить цѣлый рядъ укрѣпленій нашихъ въ Дагестанѣ. Въ 1845 году онъ крайне неучтиво поступилъ съ отрядомъ князя Воронцова въ Даргинской экспедиціи, въ которой, хотя мы и шагнули молодцами черезъ Андійскіе ворота, какъ значителенъ въ припѣвѣ къ Даргинскому маршу, но едва ли благополучно добрались бы до Герзель-аула, ежели бы не была подана своевременная помощь набранныхъ отвсюду съ линіи батальоновъ отряда Фрейтага. При такихъ условіяхъ, чтѣ же оставалось дѣлать бѣднымъ Пятигорцамъ въ 1846 году? Конечно, сначала трухнуть, а потомъ воодушевиться мужествомъ и готовиться къ оборонѣ, чтѣ они и исполнили. Правда, въ эпоху Пятигорской тревоги Шамиль былъ отъ этого города еще верстахъ въ полтораста. Но чтѣ значили какія нибудь 150 верстъ для кавалеріи такого буяна и головорѣза, какъ Шамиль?!

На слѣдующій день тревога въ Пятигорскѣ была успокоена пріѣхавшею изъ Нальчика супругою начальника центра, княгиней Прасковией Николаевной Голицыной, которая, навѣстивъ, въ день пріѣзда, мою больную матушку, много смѣялась надъ воинственными затѣями Пятигорцевъ и рассказала, между прочимъ, какъ князю, ея мужу, адъютантъ доложилъ, что въ предѣлахъ Кабарды показалась партія, и князь, которому не доставало партнера въ преферансъ, спросилъ: «А кто же третій?» Адъютантъ сказалъ, что самъ Шамиль. «А! Съ такимъ партнеромъ пріятно и поиграть». Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, князь отправился на границу Кабарды, а княгиня съ дочерью выѣхала въ Пятигорскъ. Какъ извѣстно, Фрейтагъ, преслѣдовавшій

Шамяля, нагналъ его, и близъ минарета, при переправѣ черезъ Терекъ, скопища Шамяля были разбиты и разсѣяны.

1847 годъ ознаменовался въ Пятигорскѣ холерой, которая, впрочемъ, не помѣшала курсовымъ посѣтителемъ танцовать и веселиться на балахъ и на пикникахъ въ Кисловодскѣ и Желѣзноводскѣ, куда эта мрачная гостья не заглядывала.

Въ Пятигорскѣ составъ общества рѣзко дѣлился на «лѣтнихъ» и «зимнихъ». Лѣтнее общество составлялось изъ прѣѣзжихъ лѣчиться минеральными водами и было весьма разнообразно. Были въ немъ и знатные люди, и степные помѣщики въ демикотоновыхъ сюртюкахъ, госолапые и съ толстыми затылками, и богатые купцы, обѣвшіеся кулебякъ, и раненые въ Кавказскихъ экспедиціяхъ офицеры, между которыми особеннымъ буйствомъ отличались представители такъ называемой золотой молодежи, изъ гвардіи и кавалеріи. Музыка гремѣла подъ окнами княжескихъ и графскихъ квартиръ ежедневно. Шампанское лилось рѣкой, и подгулявшая молодежь, иногда въ костюмахъ Адама, еще не изгнаннаго изъ рая, появлялась передъ публикой, изображая изъ себя боговъ Олимпа въ различныхъ позахъ. Такія безобразія трудно было прекращать, ибо у милыхъ юношей этихъ были тетушки, дядюшки и маменьки въ Петербургѣ, связаться съ которыми было не безопасно какому нибудь Пятигорскому коменданту. Однакожь и онъ выходилъ иногда изъ терпѣнія. И вотъ однажды буйныхъ князей и графовъ комендантъ потребовалъ къ себѣ для объясненія. Они явились въ парадной формѣ, усѣлись на дворовой стѣнѣ и, когда, по докладѣ объ этомъ ординарца, комендантъ вышелъ на крыльцо, начали лаять на него по-собачьи. Ну что же съ ними дѣлать?! Донести по начальству? Скажутъ, что комендантъ не счумѣлъ поселить къ себѣ достаточнаго уваженія. Арестовать, а потомъ выгнать изъ Пятигорска? Взволнуются въ Петербургѣ, и тогда пиши пропало. Оставалось плюнуть и уйти въ комнаты, что и сдѣлалъ комендантъ.

Съ окончаніемъ курса, въ Сентябрь, Пятигорскъ входилъ въ свою обычную рамку жизни. И вотъ объ этомъ мирномъ обществѣ безусловно хорошихъ людей, разъединенныхъ лѣтомъ и соединявшихся осенью и зимою, я и намѣренъ поговорить. Господа! Не все же описывать событія историческія и историческихъ дѣятелей. Конечно интересно читать о томъ, кто сколькохъ убилъ въ сраженіяхъ, разстрѣлялъ и повѣсилъ; но обратите вниманіе на сочиненія Маколея и другихъ историковъ. Они посвящаютъ сочиненія свои болѣе общественной жизни, нежели описанію дѣятельности полководцевъ и иныхъ ве-

ликихъ людей, истреблявшихъ челоуѣчество десятками и сотнями тысячъ. Впрочемъ, успокойтесь! Въ мои Записки попадутъ и полководцы, и администраторы, а пока я займусь кореннымъ составомъ Пятигорскаго общества 1847 года. Оно близко моему сердцу, и многіе изъ людей, о которыхъ я буду говорить, вызываютъ глубокое уваженіе, при воспоминаніи о нихъ.

Дамы и дѣвицы того времени представляли рѣдкое сочетаніе красоты, образованія и благовоспитанности. Напримѣръ, вотъ двѣ дочери коменданта и Анны Петровны Принцъ (только что окончившія курсъ институтки), Верзилины, Эмилиа Александровна и Надежда Петровна; Дюнантъ, Петровская, Куликова, мои сестры и многія другія.

На балахъ и вечерахъ глаза буквально разбѣгались при взглядѣ на красавицъ барышень. Все это были дѣти людей зажиточныхъ, у которыхъ недостатка въ средствахъ для нарядовъ не было и не могло быть.

Мужскіе представители Пятигорскаго общества того времени были люди служащіе. Комендантомъ былъ полковникъ Принцъ, директоромъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ полковникъ Чайковскій (кажется, дѣдъ знаменитаго композитора). Главнымъ докторомъ военнаго госпиталя оригиналъ и мизантропъ Ребровъ; командиромъ линейнаго батальона полковникъ Монаенко—все семейные люди. Затѣмъ чиновники, офицеры и врачи. Врачи-практиканты того времени были: отецъ мой, Рожеръ, Патерсонъ и Каргеръ, и по сравненію съ нынѣшними, не мѣшаетъ сказать, что врачи-практиканты получали гонораръ, не торгуясь съ своими паціентами.

Осень, зиму и весну Пятигорцы приводили разнообразно и весело. Молодежь собиралась въ семействахъ, гдѣ были барышни. Танцевали подъ фортепяно, играли въ фанты, веселились отъ души. Любители виста и преферанса проводили время въ домѣ гостепріимной старушки Екатерины Ивановны Мерлини. Любители музыки собирались у насъ. Отецъ страстно любилъ музыку, зналъ ее, и хотя самъ не игралъ ни на какомъ инструментѣ, но намъ, дѣтямъ, преподавалъ ее прекрасно. Устраивались дуэты и квартеты, съ акомпаниментомъ фортепяно, на которомъ играла старшая сестра моя, Клавдія, впоследствии Любомирская, виртуозка въ игрѣ на фортепяно, какъ о ней отзывались.

Е. И. Мерлини нѣсколько ревновала къ намъ своихъ партнеровъ въ вистъ и преферансъ, и ежели который изъ нихъ запаздывалъ

прійти къ ней, то она обыкновенно встрѣчала его фразой: «Должно быть слушалъ обѣдню у Дроздовыхъ». Но обѣдня эта, вѣроятно, была привлекательна, ибо въ 1853 году въ таковой охотно участвовалъ юнкеръ легкой батареи 20-й бригады, графъ Левъ Николаевичъ Толстой, игравшій *secundo* на фортепяно съ сестрой моею Клавдіей. Выборъ пьесъ былъ трудный. Левъ Николаевичъ предпочиталъ Бетховена и Моцарга всѣмъ остальнымъ композиторамъ, а въ особенности Итальянскимъ, музыку которыхъ онъ находилъ «сладенькою». Но сестра играла достаточно хорошо, чтобы партіи ихъ проходили возможно гладко. Графъ частенько посѣщалъ домъ отца моего и, уѣзжая въ Севастополь, въ знакъ памяти, оставилъ подзорную трубу, которая долго у насъ сохранялась.

Въ Николинъ день устраивался первый балъ благороднаго собранія. Общество собиралось въ зданіи рестораціи Миперальныхъ водъ, въ томъ самомъ залѣ, гдѣ Печоринъ спасъ отъ обморока княжну Мери. Залъ обыкновенно украшался зеленью, цвѣтами и арматурой. На хорахъ зала, блистательно освѣщеннаго люстрами и канделябрами, номѣщался оркестръ, подъ управленіемъ Сашки, цирюльника госпитальной команды. Оркестръ состоялъ изъ цимбалъ, гуслей, скрипки, флейты, кларнета, віолончели и контръ-баса. Капельмейстеръ Сашка игралъ довольно порядочно на скрипкѣ, при чемъ, ради потѣхи, иногда на квинтѣ подражалъ чрезвычайно некусно писку ибиса. Всѣ артисты, равно какъ и самъ Сашка, были солдатики-Жидки, служившіе въ госпитальной командѣ; но изъ благопристойности, для баловъ имъ разрѣшено было надѣвать штатское платье, которое придавало имъ, ежели не качества, такъ по крайней мѣрѣ вѣщность артистовъ.

Балъ, какъ заведено было въ прежнія добрыя времена, открывался обыкновенно польскимъ. Въ первой парѣ, съ какою либо изъ почетныхъ дамъ, парадировалъ П. А. Прищъ. Кончалось гротескомъ. Вотъ какъ сейчасъ вижу красиваго, представительнаго Петра Александровича, шествующаго съ подобающей торжественностью въ первой парѣ польскаго, и его же, превращавшагося въ юнаго весельчака, изобрѣтающаго самыя разнообразныя комичныя фигуры въ гротескѣ. Молодежь и даже старички, то степенно выступали въ первомъ колѣнѣ этого танца, то прыгали, бѣгали, скакали, хохотали во второмъ его колѣнѣ съ учащеннымъ темпомъ. Нынѣшнія кадрили *monstres* не замѣняютъ милаго патриархальнаго гротескера. Между польскимъ и гротескеромъ танцовали кадрили, вальсъ въ три *pas*, польку *tremblant*, какъ ее тогда называли, польку съ различными фигурами

и мазурку. Легкими танцами дирижировалъ всегда Аркадій Павловичъ Озерецковскій. Дежурный старшина не давалъ задумываться молодежи и праздно сидѣть по угламъ. Онъ былъ вездѣ и въ залѣ, и въ гостиныхъ, и въ буфетѣ, и только тогда успокаивался, когда всѣ дамы и дѣвицы имѣли кавалеровъ-танцоровъ. Въ промежуткахъ между танцами разносили конфекты, фрукты, аршадъ, лимонадъ, кому что понравится, при чемъ дежурный старшина зорко слѣдилъ, чтобы на громадныхъ подносахъ, на которыхъ разносились фрукты и конфекты, остатковъ никакихъ не было. И маменьки тапцующихъ уѣзжали домой, обыкновенно, щедро нагруженныя конфектами. Порядокъ этотъ соблюдался постоянно каждое Воскресенье. Все это было, и всего этого нѣтъ теперь.

Родина моя прекрасная и это милое, доброе старое время, когда люди и радовались, и горевали по-просту безъ затѣй, какъ ты измѣнилась! Пятигорскъ нынѣ и красивѣе, и богаче, но не такъ привлекателенъ какъ прежде. Уходя впередъ во всевозможныхъ изобрѣтеніяхъ и сосредоточиваясь на одномъ лишь полезномъ, мы, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе теряемъ теплоту и воспримчивость душевную. Въ семьѣ скучно, на балахъ скучно. Молодежь предпочитаетъ буфеты балнымъ заламъ. Танцы и фанты ниже ея достоинства. Глядишь и удивляешься этой юности со старческою душою.

Святки и Масляницу проводили Пятигорскѣ въ особенности весело и шумно. Балы, загородныя поѣздки въ саняхъ на тройкахъ съ длинными хвостами изъ салазокъ, въ которыхъ помѣщались кавалеры, придавали городу оживленіе. Курьерскія тройки мчались во весь духъ, салазки опрокидывались, кавалеры летали въ сугробы снѣга, при чемъ совершались такія сальто-мортале, какія и не снились акробатамъ. Крикъ, визгъ, хохотъ далеко оглашали поля и горы. Поѣздки эти заканчивались отдыхомъ въ колоніи Каррасъ у Богдана Ивановича Рошке, гдѣ услужливая Марья Ивановна и ея хорошенькая невѣстка, Лиза, всегда вздыхавшая при воспоминаніи о Лермонтовѣ, угощали промерзнувшую молодежь шоколадомъ и кофеемъ (конечно за деньги).

Все шло обычнымъ порядкомъ, и ни единое облачко не омрачало спокойно-радостную жизнь Пятигорцевъ. Бывали случаи и драматическіе, и трагическіе; но въ вихрѣ удовольствій они скоро забывались. Такъ напримѣръ, въ 1860 году адъютантъ князя Барятинскаго, поручикъ князь Горчаковъ убилъ на дуэли гусарскаго офицера барона Фитингофа. Съ братомъ этого Горчакова, княземъ Василюемъ, я вмѣстѣ

учился и вмѣстѣ кончилъ курсъ, а потому былъ хорошо знакомъ и съ княземъ Александромъ, который о дуэли своей рассказалъ мнѣ слѣдующее.

«Въ числѣ молодежи былъ гусарскій поручикъ, баронъ Фитингофъ. Гордый и заносчивый, онъ относился ко всѣмъ съ отѣнкомъ нѣкотораго пренебреженія. Избалованный юноша, единственный сынъ очень богатаго помѣщика Харьковской губерніи, баронъ обращался со всѣми презрительно. Сначала это насъ удивляло и сердило, а затѣмъ мы перестали обращать на него вниманіе. Я въ особенности былъ спокоенъ между кипятившеюся молодежью. Мнѣ и въ голову не приходило, что я буду виновникомъ смерти этого красиваго и капризнаго мальчика. Однажды въ Желѣзноводскѣ послѣ обѣда, часу въ 4-мъ, послѣ прогулки въ паркѣ съ княгинями Софьей Яковлевной и Анной Андреевной Святополкъ-Мирскими, мы сѣли отдохнуть на скамейкѣ въ одной изъ узенькихъ аллей парка. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ въ началѣ этой аллеи показалось два всадника. Это были всегда неразлучные баронъ Фитингофъ и офицеръ Ниппа, на довольно бойкихъ лошадяхъ. Опасаясь весьма естественнаго испуга дамъ, мимо которыхъ лошади должны были пройти, едва не касаясь ихъ колѣнъ, я знакомъ началъ приглашать барона свернуть на объѣздную тропу, бывшую невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ мы сидѣли. Но баронъ, не обращая вниманія на мою, хотя и нѣмую, но выразительную просьбу, проѣхалъ мимо насъ такъ близко, что дамамъ пришлось подобрать платья, чтобы лошади не наступили на подолы ихъ. Баронъ и Ниппа проѣхали. Я терпѣливо перенесъ оскорбленіе, нанесенное этимъ невѣжествомъ дамамъ и мнѣ, и чтобы предупредить такую поѣздку вторично, при возвращеніи барона этимъ же путемъ, я поставилъ одну изъ скамеекъ поперекъ аллеи въ недалекомъ разстояніи отъ насъ. Очевидно съ цѣлью вызвать меня на дерзость, баронъ, вернувшись по той же аллеѣ и замѣтивъ преграду, заставилъ лошадь перепрыгнуть черезъ скамью. Я и въ этомъ случаѣ стерпѣлъ, хотя и слѣдовало бы преподать урокъ вѣжливости дерзкому мальчику. Вскорѣ мы встали, и я, проводивъ дамъ до ихъ квартиры, отправился домой переодѣться. Въ это время ко мнѣ пришелъ князь Грузинскій и передалъ слѣдующее. Въ павильонъ, куда обыкновенно вечеромъ собиралась публика слушать музыку и танцовать, вошелъ Фитингофъ и громогласно произнесъ: «Я удивляюсь тому, что князь Бяратинскій въ своей свитѣ имѣетъ кварталныхъ надзирателей. Адъютанту его, князю Горчакову, приличіе носить форму будочника и, вѣроятно, въ родѣ Горчаковыхъ есть полицейскія склонности». На замѣчаніе князя Грузинскаго, что онъ пріятель мой и потому проситъ барона взять свои слова на-

заядь, баронъ отвѣчалъ, что отъ сказаннаго не отречется, и слова его князь Грузинскій можетъ передать князю Горчакову. Извѣстіе это встревожило меня очень и именно потому, что, по непреклонности моего характера, я оскорбленія этого Фитингофу простить не могъ, и однимъ лишь извиненіемъ дѣло не кончится. Одѣвшись, я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ зайти къ поручику Кабардинскаго полка фонъ-Шаку, просить его быть моимъ секундантомъ и передать мой вызовъ Фитингофу. Невдалекѣ отъ моей квартиры я встрѣтилъ барона Фитингофа и, раскланявшись съ нимъ, сказалъ ему: «Баронъ, князь Грузинскій передалъ мнѣ ваши слова. Я считаю ихъ оскорбленіемъ для себя и прошу дать мнѣ удовлетвореніе». Баронъ согласился дать такое, и я назвалъ фамилію моего секунданта. Секундантомъ Фитингофа былъ Ниппа.

Секунданты условились, и рѣшено было на слѣдующій день въ 5 часовъ утра встрѣтиться противникамъ въ ущельи у подошвы горы Бештау. Оружіемъ назначены были пистолеты. Фитингофу стрѣлять первому. Представьте: ни у меня, ни у Фитингофа не оказалось пистолетовъ, и фонъ-Шаку пришлось ночью скакать въ Пятигорскъ, гдѣ онъ и досталъ ихъ у плацъ-адъютанта капитана Книбурна. Пистолеты были старые, большого солдатскаго калибра. Но другихъ не было, и пришлось удовлетвориться и тѣми, которые нашлись. Въ 5 ч. утра мы сошлись на условленномъ мѣстѣ. Барьеры были назначены на 10 шаговъ. Секунданты отмѣрили шаги и отмѣтили барьеры. Подходить къ барьерамъ мы должны были по командѣ: разъ, два, три. По третьей командѣ противники становятся у барьера. Мы встали на назначенныя мѣста и начали сходить къ барьерамъ. Подойдя къ барьеру, Фитингофъ, не поднимая пистолета, произнесъ: «Князь! Мы стрѣляемъ съ вами изъ-за такого пустяка, что, можетъ-быть, извиненіе мое удовлетворитъ васъ».—«Объ этомъ, баронъ, было время подумать ранѣе. Я пригласилъ васъ сюда не для того, чтобы съ пистолетомъ въ рукѣ ожидать отъ васъ извиненія. Вамъ стрѣлять первому. Стрѣляйте!»—Баронъ выстрѣлилъ и промахнулся. Вслѣдъ затѣмъ выстрѣлилъ я, и, къ несчастью, пуля попала ему въ пахъ. Рана безусловно смертельная, но съ моей стороны неумышленная. За дерзкія слова Фитингофа я хотѣлъ лишь наказать его, а не убить, и потому цѣлился ему въ ногу, и ежели пуля попала ему въ пахъ, то вполнѣ тому невѣрность ружья. Годъ уже прошелъ послѣ этой несчастной дуэли, а я и до сихъ поръ не могу забыть страдальчески-испуганнаго, почти дѣтскаго лица барона».

Вотъ точное описаніе этого поединка со словъ князя Горчакова. Кромѣ секундентовъ тутъ присутствовали, какъ зрители, князь Грузинскій и Хомутовъ. Князь Горчаковъ и фонъ-Шакъ по приговору военнаго суда были разжалованы въ рядовые; но вскорѣ, за отличіе въ Кавказскихъ экспедиціяхъ, имъ были возвращены и чины, и знаки отличій. Хомутова, какъ зрители, сослали на годъ въ Усть-Лабинское укрѣпленіе, гдѣ, впрочемъ, онъ не скучалъ съ своей красавицею-женой, Лидіей Васильевной, на которой онъ женился незадолго до ссылки его въ Усть-Лабу, будучи подъ судомъ въ Пятигорскѣ. Да избавитъ Господь всѣхъ отъ поединковъ! Не идти же въ камеру мирового судьи судиться съ человѣкомъ, оскорбившимъ васъ, вашу мать, жену, дочь или память умершаго отца? Вызовъ, или принятіе вызова обуславливаются еще и тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которое вы занимаете. Князь Горчаковъ былъ именно въ такомъ положеніи, состоя адъютантомъ у князя Барятинскаго, который, самъ будучи рыцаремъ чести, не могъ не относиться строго въ такихъ случаяхъ и къ людямъ окружающимъ его. Въ 1858 г. Эриванскаго полка поручикъ Макѣевъ вызвалъ на дуэль командира этого полка, полковника Фохта. Фохтъ отказался. Макѣевъ застрѣлилъ его изъ ружья ночью черезъ окно и затѣмъ бѣжалъ. Онъ былъ пойманъ на Персидской границѣ. Назначено слѣдствіе, которое и представлено было на кофирмацію главнокомандующаго. Князь Барятинскій, утвердивъ приговоръ суда во всей его строгости, сказалъ: «Макѣевъ имѣлъ право убить Фохта, но не тайно и не совершая послѣ этого побѣга. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ поступилъ не какъ дворянинъ и не какъ офицеръ, а потому и не заслуживаетъ ни снисхожденія, ни милости». При такомъ взглядѣ на дѣло чести, могъ ли адъютантъ князя Барятинскаго поступить иначе?

ГЛАВА II.

Отставка кн. Голицына въ 1848 г.—Прощальный балъ ему близъ Провала.—Отъѣздъ его въ Москву.—Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ.

Размолвка съ главнокомандующимъ Кавказскою арміею княземъ Воронцовымъ и тяжелыя раны, полученныя подъ Парижемъ и на Кавказѣ, понудили князя В. С. Голицына подать въ отставку, къ несприятворному сожалѣнію преданныхъ ему Кабардинцевъ. Въ глазахъ племени, въ средѣ котораго были князья и дворяне, знатные по происхожденію и богатые по состоянію, такой баринъ, какъ князь В. С., не мелочной и щедрый, занималъ первенствующее мѣсто, не по одному служебному положенію, но и по личнымъ его достоинствамъ. Въ лукавыхъ отъ природы горцахъ много сословнаго самолюбія и даже тще-

славія, которыми князь Голицынъ, въ случаѣ надобности, умѣлъ искусно пользоваться въ продолженіи шести лѣтъ, что онъ былъ начальникомъ центра. Отставкой онъ выигралъ себѣ отдыхъ и спокойствіе, а князь Воронцовъ потерялъ въ немъ дѣятельнаго и опытнаго помощника.

Передавъ должность князю Эристову, князь Голицынъ изъ Пальчика пріѣхалъ въ Пятигорскъ, и 15-го Іюля 1848 г. на склонѣ Машука, близъ Провала, припалъ прощальный балъ, устроенный для него Пятигорскими жителями и начальникомъ артиллеріи, генераломъ Семчевскимъ. Балъ этотъ памятенъ для меня тѣмъ, что на немъ рѣшена была моя участь. Желая отблагодарить отца моего за его многолѣтнія медицинскія пособія, князь предложилъ матери моей воспитывать меня на свой счетъ. Зная хорошо семейство князя, матушка, убѣжденная въ томъ, что мнѣ будетъ хорошо, охотно согласилась на такое предложеніе, тѣмъ болѣе, что отецъ уже собирался пристроить меня въ Ришельевскій лицей. Подготовленъ я былъ изрядно, и оставалось только опредѣлить меня въ какое-нибудь учебное заведеніе.

Нашимъ домашнимъ образованіемъ занимались по очереди Смоленки-институтки, дочери вдовы Анны Ивановны Барановской, то въ качествѣ гувернантокъ, то какъ учительницы, къ которымъ мы ходили на домъ. Женищина, съ чрезвычайно маленькими средствами и съ очень большимъ семействомъ, она обладала замѣчательнымъ умѣньемъ пристраивать ихъ въ лучшія учебныя заведенія. Жизнь ея происходила почти въ постоянныхъ поѣздкахъ изъ Пятигорска въ Петербургъ и обратно, и всегда успѣшно. То она встрѣтится съ Императрицей, то съ Императоромъ, упадетъ на колѣни, подастъ прошеніе, поплачетъ, и просьбы ея исполнялись. Завести знакомство съ придворнымъ камердинеромъ или камеръ-фрау и узнать отъ нихъ, когда и гдѣ можно встрѣтить Государя или Императрицу, ровно ничего не значило для Анны Ивановны; а впрочемъ честь и слава ей, какъ заботливой матери.

Я не помню, сколько у нея было дочерей; но смѣло могу сказать, что Анна Ивановна и ея милыя дочки въ продолженіе многихъ лѣтъ были единственными насадительницами просвѣщенія въ юныхъ Пятигорцахъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, дѣвицы Барановскія преподавали языки Французскій и Нѣмецкій и танцы. На смѣну барышень, выходившихъ замужъ, пріѣзжали другія сестры, оканчивавшія курсъ въ Смольномъ монастырѣ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не вышла послѣдняя изъ дѣвицъ за мужъ.

Латинскій языкъ преподавалъ мнѣ священникъ отецъ Левъ, а репетировалъ по вечерамъ отецъ мой, и до отъѣзда въ Москву я уже болталъ по-французски и довольно бойко читалъ по-латини.

Въ весьма немногихъ учебныхъ заведеніяхъ 40-хъ годовъ не было ни конкурсныхъ экзаменовъ, ни атестатовъ зрѣлости. Въ тѣ времена слово «конкурсъ» имѣло лишь коммерческое значеніе для несостоятельныхъ должниковъ, а «зрѣлость» опредѣлялась жизненнымъ опытомъ, а не учебнымъ атестатомъ. Впослѣдствіи, услышавъ выраженіе «атестатъ зрѣлости», я долго не умѣлъ понять, чтѣ это такое.

Въ началѣ Августа князь рѣшилъ выѣхать изъ Пятигорска въ Москву. Наканушъ отъѣзда онъ зашелъ къ намъ условиться о часѣхъ и мѣстѣ отъѣзда на слѣдующій день. Я прыгалъ отъ восторга ѣхать въ бѣлокаменную и златоглавую Москву; сестры завидовали мнѣ.

Къ 7 часамъ утра слѣдующаго дня уже всѣ были на ногахъ, на дворѣ стоялъ запряженный экипажъ, и кучеръ Димитрій по обыкновенію бесѣдовалъ съ Бурымъ и Гидымъ, которыхъ онъ всегда усовѣщивалъ вести себя смирно и прилично, во время отлучекъ его съ козелъ въ трактиръ или кабачокъ (бесѣды эти обыкновенно оканчивались разбитымъ экипажемъ и порванной сбруей по нѣскольку разъ въ теченіи года).

Всѣ мы собрались въ залѣ проститься; пришли и няни, и горничныя, и поварь. Матушка благословила меня образкомъ св. Митрофанія; отецъ все сморкался и, утѣшая меня, не замѣчалъ слезъ, которыя катились у него изъ глазъ. Прощанье было непродолжительное. Перецѣловавъ отца, мать, сестеръ, брата Яшу и прислугу, я выбѣжалъ на крыльцо, прыгнулъ въ экипажъ; вслѣдъ за мной сѣли отецъ и мать, и мы покатали въ ресторацію къ князю. Во дворѣ рестораціи уже стоялъ дормезъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ лошадей. Родители пошли къ князю, а я влѣзъ въ карету, не помня себя отъ восхищенія. Вскорѣ вышли отецъ, мать и князь. Родители еще расцѣловали меня на прощанье, князь сѣлъ въ карету, дверцу захлопнули, камердинеръ прыгнулъ на козлы и крикнулъ «пошелъ!» Лошади дружно сдвинули съ мѣста тяжелый экипажъ и, плавно покачиваясь на рессорахъ, мы выѣхали со двора рестораціи. Прощай Пятигорскъ! Прощай, моя прекрасная родина!

Ѣхали мы день и ночь. Въ дормезѣ откидывались спереди на заднее сидѣнье доски съ мягкими подушками, и камердинеръ Борисъ

устроивалъ прекрасныя постели. Днемъ князь или дремалъ или читалъ «Мертвыя Души» Гоголя, въ которыя и я заглядывалъ отъ нечего дѣлать. Попробовалъ я было однажды заплакать въ то время, когда изъ глазъ моихъ, постепенно умаляясь, наконецъ, совсѣмъ скрылись и Машукъ, и Бештау; но князь назвалъ меня «размазней», и я пересталъ плакать. По пути князь на нѣсколько часовъ останавливался сначала въ станицѣ Михайловской близъ Ставрополя у наказнаго атамана Николаева, затѣмъ близъ Новочеркасска въ Мишкинѣ, имѣннѣ князя Голицына, женатаго на дочери графа Платова, и на ночлегъ въ Воронежѣ въ гостиницѣ Швановича, гдѣ меня выкупали въ теплой ваннѣ, а затѣмъ отвезли приложиться къ мощамъ св. Митрофанія.

Повизна мѣсть и впечатлѣннѣй, изъ коихъ сильнѣйшее произвело на меня переправа черезъ Донъ по плувучему мосту, который, при движеніи по немъ тяжелаго экипажа и шестерика лошадей, погружался въ воду, и лошади брели въ ней по щиколку (при чемъ я очень боялся утонуть), вытѣснили изъ памяти моей и Пятигорскъ, и недавнюю разлуку съ родными.

На шестой день въ полдень мы вѣхали въ Москву черезъ Серпуховскую заставу. Уличный шумъ, грохотъ, многолюдная толпа, сновавшая взадъ и впередъ, вывѣски на магазинахъ, разнощики съ лотками на головахъ, выкрикивавшіе разными голосами и на разные лады, совсѣмъ ошеломили меня. Такъ вотъ она, эта Москва! (О такомъ многолюдствѣ и оживленіи мнѣ, конечно, и не снилось. Одна изъ вывѣсокъ, съ надписью о продажѣ Китайскихъ часовъ, съ нарисованными на ней Китайцами по концамъ и огромными золотыми буквами, навела меня на соображенія, высказанныя вслухъ, что должно быть отецъ получаетъ чай отсюда, ибо мы пьемъ чай Китайскій. Князь расхохотался и, очевидно, мальчикъ, переходившій отъ окна къ окну кареты съ самыми искренними восклицаніями удивленія, забавлялъ его.

Долго ли, коротко, мы пріѣхали наконецъ къ дому князя у Бутырской заставы. Прислуга первое время принимала меня за Черкесска, взятаго въ плѣнъ бариномъ на Кавказѣ. Меня выкупали, накормили, переодѣли, и я побѣжалъ осматривать комнаты съ ихъ невиданными мною роскошью и великолѣпіемъ. Въ этомъ лабиринтѣ комнатъ и корридоровъ я едва не заблудился.

Борисъ, уже отыскивавшій меня, проводилъ меня въ паркъ, гдѣ къ несказанному моему удовольствію оказались качели. Въ день на-

шего прїѣзда мы не застали княгиню съ дочерью: онѣ были въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ.

На другой день утромъ князь въ Донскомъ атаманскомъ мундирѣ отправился въ Лазаревскій Институтъ восточныхъ языковъ опредѣлить меня, а вечеромъ и отвезли меня туда прямо къ ужину. Непривычный для меня шумъ и толкотня мальчишекъ и ошеломили, и испугали меня, и ежели бѣ не воспитанникъ старшаго класса, Теръ-Асатуровъ, назначенный ко мнѣ руководителемъ на первыхъ порахъ, то я расплакался бы горько. Мальчишки смѣялись и надъ костюмомъ моимъ (полуфракомъ, которымъ я такъ гордился), и надъ застѣнчивостью моей, даже трусостью. Всѣ эти мальчуганы казались мнѣ въ то время какими-то разбойниками, которые убьютъ меня. Въ столовой я плотно прижимался къ Теръ-Асатурову, и потомъ въ спальнѣ, уже раздѣтый и уложенный въ постель, я просилъ его не оставлять меня. Юноша этотъ былъ такъ добръ, что только въ то время оставилъ меня, когда я заснулъ.

На слѣдующій день утромъ, одѣваясь, я не нашелъ въ карманѣ панталонъ моихъ кошелька съ 10 новенькими серебряными рублями и перчатокъ. Теръ-Асатуровъ, навѣстившій меня во время одѣванья, замѣтивъ мое смущеніе и узнавъ о причинѣ его, тотчасъ же заявилъ объ этомъ дежурному надзирателю. Деньги и перчатки были найдены у дядьки, чистившаго мое платье. Дядьку немедленно выгнали вонъ, а деньги и перчатки поступили въ канцелярію правленія Института, секретарь котораго выдавалъ мнѣ деньги понемногу по мѣрѣ надобности, а перчатки выдали мнѣ при окончаніи курса.

Основывая Институтъ, Лазаревъ безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду сдѣлать доброе дѣло исключительно для Армянъ, проживающихъ въ Россіи; но широкія права, присвоенныя Институту въ 1848 году, привлекли дѣтей многихъ Русскихъ, и училище, возведенное на степень высшихъ учебныхъ заведеній, предназначено было для приготовленія драгомановъ къ Азіатскимъ посольствамъ. Въ 1848 г. на 70 человекъ Армянъ не было и 30 Русскихъ мальчиковъ; а въ 1854 изъ 200 слишкомъ воспитанниковъ было лишь около 60 Армянъ. Прежде Армяне били насъ и при томъ съ искусствомъ, которое входило въ курсъ предварительнаго воспитанія ихъ въ Тифлисъ и Нахичевани на Армянскихъ базарахъ; а затѣмъ искусство ихъ подчинилось нашей численности, и тѣлеса наши были въ безопасности отъ Армянскихъ тумановъ.

Лазаревъ не поскупился на издержки при основаніи Института. Кромѣ роскошнаго зданія онъ пожертвовалъ значительный капиталъ, на проценты съ котораго содержались стипендіаты его имени, администрація и учебный персоналъ Института, ремонтировалось зданіе и содержался прекрасный садъ, примыкающій къ Златоустовскому монастырю. Плата за пансіонеровъ была 300 р. въ годъ, за полупансіонеровъ съ правомъ обѣдать 200 р.; да иначе и не могло быть по отношенію къ полупансіонерамъ, ибо классныя занятія были и послѣ обѣда съ 2-хъ до 6 часовъ. Приходящихъ, съ правомъ платить лишь за уроки, не было.

Въ 1848 г., исправляющимъ должность директора былъ инспекторъ классовъ Алексѣй Зиновьевичъ Зиновьевъ. Въ виду дополненія трехъ классовъ, а именно, приготовительнаго и двухъ спеціальныхъ съ правомъ на чинъ 12-го класса, не было опредѣленныхъ штатовъ начальствующихъ лицъ. Съ дополненіемъ классовъ измѣнилась и нумерація ихъ, и я, поступивъ во второй классъ, очутился въ третьемъ.

Форменное платье воспитанниковъ въ первыхъ шести классахъ состояло изъ куртокъ для классныхъ занятій и мундировъ съ фалдами для праздниковъ; а въ двухъ спеціальныхъ—изъ вицмундирнаго двухбортнаго сюртука и мундира съ фалдами, съ золотыми петлицами на черныхъ бархатныхъ съ краснымъ кантомъ воротникахъ. Специалистамъ присвоены были шпаги и треугольныя шляпы.

Въ концѣ 1848 года директоромъ Института назначенъ былъ морякъ, капитанъ 1-го ранга, Семенъ Ильичъ Зеленый, извѣстный въ то время составитель алгебры и авторъ лекцій популярной астрономіи, читанной имъ въ Морскомъ Корпусѣ. Высоко-образованный, мягкій человекъ и педагогъ, прекрасный администраторъ, онъ сразу поставилъ Институтъ на степень высшаго учебнаго заведенія. Москвичи, князья и столбовые Русскіе дворяне, начали пополнять Институтъ своими сыновьями. Съ увеличеніемъ состава воспитанниковъ, значительно увеличилась и измѣнилась администрація его. Воспитателями или, какъ въ то время называли ихъ, надзирателями приглашены были Французы, Нѣмцы и Русскіе отличные и по образованію, и какъ педагоги. Воспитателей было 12 человекъ, и дѣлились они по 6 человекъ на дежурства, Французское и Нѣмецкое, при чемъ воспитанники обязаны были обращаться къ нимъ, соображаясь съ дежурными, или на Французскомъ или на Нѣмецкомъ языкахъ.

За отступленіемъ отъ этого правила воспитанникамъ младшихъ классовъ, въ видѣ наказанія, навѣшивался на грудь красный суконный

языкъ, ношеніе котораго лишило права на полученіе третьяго блюда. Конечно, правило это не особенно строго соблюдалось, но распространеніе языковъ Французскаго и Нѣмецкаго между мальчиками замѣтно усилилось. Изъ воспитателей я припоминаю Ивана Мартыновича Яннау, Августа Карловича Фабриціуса, Григорія Павловича Рибристаго, Василия Алексѣевича Бѣльева и Французовъ: Дюфѣ, Плагинъ, Трестера. Между учителями выдѣлялись и знаніями своимъ, и преподаваніемъ разумнымъ и увлекательнымъ, профессора: Никита Осиповичъ Эминъ (онъ же и инспекторъ классовъ съ 1849 года), Степанъ Псаевичъ Назарьянцъ, оба извѣстные въ то время ориенталисты, А. З. Зиновьевъ, читавшій Русскую словесность, и профессоръ Московскаго университета Феодоръ Лукичъ Морошкинъ, преподававшій намъ законовѣдніе, по курсу Рождественскаго. Учителями Русскаго языка были Николай Михайловичъ Поповъ, закона Вожія—Смирновъ-Платоновъ, математики—Леонардъ Осиповичъ Новицкій, исторіи и географіи—Василій Павловичъ Гривцовъ, Французскаго языка—Куртцеръ и Петерманъ, ариѳметики Василій Андреевичъ Тихомировъ, Персидскаго языка—Тегеранскій Армянинъ Николай Ивановичъ Давришевъ, увѣрявшій, что отъ Тегерана до Петербурга только онъ одинъ знатокъ Персидскаго языка и Арабскихъ басенъ Локмана; Турецкій языкъ преподавалъ Лазаревъ. Танцамъ училъ насъ танцовщикъ изъ Московскаго балета, уже устарѣвшій для сцены—Пѣшковъ, гимнастику и фехтованье—Ивановъ, преподаватель того и другого въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ.

С. И. Зеленый не такъ давно скончался, будучи предсѣдателемъ главнаго морскаго суда; но память о немъ не должна умереть въ Институтѣ восточныхъ языковъ.

Институтъ этотъ, изъятый изъ вѣдомства попечителя Московскаго округа, находился подъ покровительствомъ Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича и попечителей, камергеровъ Ивана Акимовича и Христофора Акимовича Лазаревыхъ. Въ средѣ учебнаго и административнаго вѣдомствъ этотъ Институтъ былъ единственнымъ исключеніемъ, и кромѣ министра народнаго просвѣщенія и своего начальства къ намъ никто не заглядывалъ и не имѣлъ права заглянуть.

Въ то время, когда въ Россіи тѣлесныя наказанія доведены были до степени виртуозности, у насъ за все время съ 1849 по 1855 годъ было лишь нѣсколько случаевъ, въ которыхъ директоръ употребилъ розги; да и то, какъ говорится, лишь для проформы, ибо свыше пяти ударовъ и не бывало. Между тѣмъ, какъ и вообще между мальчиками,

были шалуны и лѣбтян; но шалости не переходили за границу приличій, и весьма естественно, потому, что дѣти были все изъ хорошихъ семействъ. По части шалостей отличались изобрѣтательностью Бурцевъ и Толстой. Такъ на примѣръ, однажды, заготовивъ предварительно лягушку, они стащили со стола серебряную большую табакерку у полуслѣпаго старичка, учителя ариѳметики В. А. Тихомирова, высыпали табакъ, а въ табакерку посадили лягушку и затѣмъ ее обратно поставили на столъ. В. А., углубленный въ разсматриваніе тетрадокъ класныхъ занятій, нѣкоторое время не обращалъ вниманія на эволюціи, которыя выдѣлывала табакерка по столу; но затѣмъ, когда она начала стучать по столу, онъ, крайне удивленный прыжками табакерки, сталъ присматриваться къ ней и переставлять ее съ мѣста на мѣсто, вѣроятно соображая, въ силу какихъ законовъ физическихъ серебряный ящикъ началъ оказывать признаки жизни. Зная, въ чемъ дѣло, мы едва удерживались отъ смѣха. Наскучивъ наблюденіемъ за табакеркой извнѣ, В. А. пожелалъ познакомиться съ внутренностью ея, взявъ табакерку въ руки и, поднеся ее довольно близко къ глазамъ, открылъ ее. Лягушка, почувствовавъ конецъ ея временнаго ареста, и напыхавшись достаточно остатковъ табаку, выпрыгнула. Изумленію В. А., уронившаго табакерку на полъ, при чемъ она помялась, не было предѣловъ. Но быстро сообразивъ, что это было лишь шкельничество, старикъ самъ разсмѣялся и назвалъ насъ шалунами, при чемъ не считъ нужнымъ жаловаться на насъ начальству; а мы, сложившись, вмѣсто помятой табакерки, купили ему другую, болѣе красивую и дорогую, и приподнесли ему.

Были у насъ и любимые учителя, и нелюбимые. Къ числу послѣднихъ относился учитель Нѣмецкаго языка, Вернеръ. Небольшого роста, худенькій, щегольски одѣтый, прилизанный Нѣмчикъ, заносчивый и гордый съ Русскими поросятами, какъ насъ звали Нѣмцы вообще, Вернеръ былъ предметомъ и насмѣшекъ, и школьничества. То ему нечаянно обольютъ фракъ чернилами, то его носовымъ платкомъ вытрутъ класную доску, то подставятъ ему ногу въ то время, когда онъ входитъ въ классъ, и Нѣмецъ съ розмаху растягивается на паркетѣ; словомъ, не перечислишь всѣхъ тѣхъ истязаній, которымъ подвергали Вернера до тѣхъ поръ, пока онъ не догадался оставить Институтъ. Здѣсь кстати сказать о томъ, что воспитанники, изучавшіе восточные языки, имѣли право не учиться Нѣмецкому и Латинскому, такъ что у Вернера и у учителя Латинскаго языка Меншикова, высокаго, длиннаго, худого латиниста во фракъ съ фалдами на подобіе ласточкиныхъ крыльевъ, было въ каждомъ классѣ не болѣе двухъ-трехъ

учениковъ, а остальные занимались метаніемъ бумажныхъ стрѣлокъ въ ихъ мудрыя головы.

Въ 1849 году, какъ извѣстно, во многихъ Европейскихъ университетахъ происходили довольно серьезные безпорядки. Чтобы не допустить этого и въ нашихъ, министерство издало строго дисциплинарныя уставы для нихъ; но и не для однихъ студентовъ только, а и для лекцій профессоровъ, что, несомнѣнно, ожесточало сильно студентовъ. Въ Московскомъ университетѣ въ это время были такіе профессора-свѣтила, какъ Грановскій, Шевыревъ, Крыловъ, Рулье и мн. др., лекціи которыхъ вслѣдствіе строгой цензуры поневолѣ обратились въ школьные уроки. Разумная свобода, которой пользовались мы въ это же самое время, возбуждала зависть у студентовъ. Не только преподаватели наши, конечно, въ старшихъ классахъ, читали лекціи свои, не стѣняясь цензурой, но и само начальство снисходительно относилось къ болтовнѣ молодежи, совершенно разумно заключая, что между словомъ и дѣломъ разница большая, и такое или иное направленіе политическихъ убѣжденій вырабатываетъ жизнь дѣйствительная, а не школьная. У насъ были кружки и политическіе, и литературные. Забавно и теперь вспомнить о тѣхъ политическихъ соображеніяхъ относительно карты Европы, которыя высказывались воспитанниками 6-го или 7-го классовъ. Изъ числа воспитанниковъ того времени и въ настоящее время можно указать на дѣятелей высокопоставленныхъ. Напримѣръ, Александръ Семеновичъ Юнинъ, съ которымъ мы вмѣстѣ ѣли пироги въ Лазаревскомъ Институтѣ отъ 3-го до 8-го класса включительно, въ настоящее время тайный совѣтникъ и чрезвычайный посланникъ въ Аргентинской республикѣ. Иванъ Алексѣевичъ Зиновьевъ, двумя годами ранѣе насъ окончившій курсъ, занимаетъ тоже весьма важный постъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ воспитанниковъ Лазаревского института не отличался и не отличается политической неблагонадежностью. Помнювавъ А. С. Юпина и И. А. Зиповьева, я не могу обойти молчаніемъ и Александра Семеновича Зеленаго, который нынѣ въ чинѣ генерала-лейтенанта генеральнаго штаба занимаетъ видное положеніе на Кавказѣ.

Экзамены были у насъ годичныя, начинавшіеся, какъ и нынѣ, съ Мая мѣсяца. Первый экзаменъ былъ изъ Закона Божія, и на этотъ экзаменъ иногда жаловалъ къ намъ и митрополитъ Филаретъ, котораго мы таки побаивались, не потому, чтобы онъ былъ слишкомъ строгимъ экзаменаторомъ, а просто виѣшность его смущала насъ. Маленькаго

роста, почти сухой старичокъ, митрополитъ имѣлъ взоръ суровый и такой проицающій, что казалось намъ, будто онъ знаетъ всѣ наши внутреннія достоинства или недостатки и даже каждому можетъ назвать билетъ мало ему знакомый. Камнемъ преткновенія для насъ былъ Катихизисъ, составленный имъ же и, какъ авторъ, онъ несомнѣнно интересовался, насколько произведеніе его усваивается нами, и потому часто давалъ вопросы помимо билета.

Вызывали насъ по алфавиту. Въ списокѣ вмѣстѣ со мною значился Данзасъ. Мальчикъ онъ былъ способный, но избалованный маменькинъ сынокъ и притомъ съ лѣнцой.

На экзаменѣ изъ 5-го въ 6-й классъ присутствовалъ и митрополитъ. Вызываютъ меня и Данзаса. Взяли билеты. Я заглянулъ въ билетъ Данзаса и вижу, что билетъ легкій и хорошо ему знакомый. Данзасу отвѣчать первому. Данзасъ краснѣетъ, блѣднѣетъ, но молчитъ. Законоучитель предлагаетъ прочесть билетъ. Молчаніе. «Можетъ быть, вы не знаете билета? Возьмите другой!» У Данзаса показываются слезы на глазахъ; онъ открываетъ ротъ, засовываетъ въ него пальцы и вытаскиваетъ изо рта большой комокъ ваты, который мѣшалъ ему говорить. Вату онъ препровождаетъ въ карманъ мундира и бойко читаетъ билетъ. Всѣ изумлены. Директоръ спрашиваетъ, не болятъ ли у него зубы. Нѣтъ. «Зачѣмъ же вы напихали себѣ ваты въ ротъ?»— «Она отъ иконы Иверской Божьей Матери: я боялся срѣзаться на экзаменѣ; мнѣ посоветовали взять ваты отъ чудотворной иконы, положить въ ротъ, и тогда я буду знать даже то, о чемъ мнѣ и не снилось.» С. И. улыбнулся такой наивности. Митрополитъ, замѣтивъ эту улыбку, насупился и, назвавъ Данзаса лѣнтяемъ, посоветовалъ ему хорошенько учиться, ибо чудеса совершаются не для тунеядцевъ.

Я читалъ проповѣди Филарета и лично слышалъ его въ Чудовомъ монастырѣ. Проповѣди его отличаются высокимъ литературно-богословскимъ достоинствомъ, изобилуютъ неологизмами и по своему научно-богословскому содержанию скорѣе лекціи, а не проповѣди. Религія есть принадлежность чувства и инстинкта, а не ума, ибо умъ склоненъ къ скептицизму; а потому и проповѣди лишь тѣ сильны, которыя производятъ впечатлѣніе прямо на чувства. Въ проповѣдяхъ современника Филарета, архіепископа Иннокентія, болѣе чувства. Краснорѣчіе его было увлекательно, а потому и ближе къ цѣли.

Праздничные дни я проводилъ у князя Голицына. Кромѣ удовольствія полакомиться прекраснымъ обѣдомъ и конфетами, которыя

приготавливались домашнимъ кондитеромъ Уваромъ, я каждое Воскресенье получалъ отъ князя билетъ въ театръ, который любилъ страстно.

Драматическій театръ того времени былъ полонъ такихъ знаменитостей, какъ Щепкинъ, Самаринъ, Шумскій, Живокни, Полтавцевъ, Садовскій, Васильевъ, Васильева, Сабурова, Акимова и Бороздина. Но я былъ еще слишкомъ юнъ, чтобы понимать великихъ артистовъ-художниковъ, и потому предпочиталъ балетъ, производившій сильное впечатлѣніе и декораціями, и различными превращеніями, и прекрасной музыкой. Балеринами того времени были Санковская, Андреевна и Ирка-Матіасъ. Само собой разумѣется, что балетоманы составляли лагерь, враждовавшіе между собою изъ-за излюбленныхъ танцовщицъ. Почитатели Санковской училили скандалы Андреевны и наоборотъ. И вотъ однажды, поклонники Санковской училили премерзкій скандалъ Андреевны, которая танцевала въ балетѣ Сатанилла. Я былъ въ это время въ театрѣ, а потому и расскажу объ этомъ случаѣ, какъ очевидецъ. Въ первомъ и во второмъ дѣйствіи балета, Андреевны то шикали, то аплодировали. Въ третьемъ актѣ, послѣ весьма труднаго *pas des deux*, въ то время когда Андреевна и Монтасю, окончивъ *pas*, остановились въ чрезвычайно граціозной позѣ, къ ногамъ Андреевны изъ райка былъ брошенъ какой-то предметъ съ длинною широкою лентой. Зрителямъ, а въ томъ числѣ и мнѣ, показалось, что предметъ этотъ долженъ былъ упасть по ходу пьесы. Но предположеніе это длилось не болѣе секунды. Монтасю поднялъ упавшій предметъ, который оказался большою дохлой кошкой, съ лентою на шеѣ. Монтасю, взглянувъ на публику и отшвырнувъ отъ себя далеко за кулисы кошку, выразилъ мимикой знаки укоризны, относящіяся къ публикѣ. Андреевна закрыла лицо руками, и видно было по судорожнымъ движеніямъ груди и плечъ ея, что она плакала. Смятеніе въ публикѣ и на сценѣ трудно передать. Въ партерѣ и въ ложахъ мужчины и дамы все встали, начали раздаваться крики участія къ невинно-пострадавшей артисткѣ. Сцена наполнилась артистами и артистками, не участвовавшими въ балетѣ, въ обыкновенныхъ костюмахъ; они подходили къ артисткѣ, очевидно съ знаками участія къ ней и глубокаго негодованія къ оскорбленію, которое было ей нанесено. Публика кричала, топала ногами, стучала стульями и креслами, дамы махали платками. Затѣмъ на сцену изъ партера и изъ ближайшихъ къ сценѣ ложъ полетѣли вѣнки и букеты, которыми буквально закидали несчастную артистку. Полиція заметалась, мгновенно оцѣпили все ложи и раекъ, и въ этотъ же вечеръ открытъ былъ и виновникъ этого по истинѣ мерзкаго поступка. Таковымъ оказался гвардейской

артиллеріи штабсъ-капитанъ Булгаковъ, сынъ Московскаго почтъ-директора, а орудіемъ его какой-то дюжій мѣщанинъ, который и бросилъ кошку изъ райка съ правой стороны сцены. На слѣдующій день почитатели Андреяновой послали Санковской на квартиру пучокъ розогъ, обернутый атласомъ. Такимъ образомъ поквитались Андреянисты съ Санковистами, а Булгаковъ посланъ былъ за скандалъ этотъ на Кавказъ.

Ирка - Матіасъ была счастливѣе. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она танцевала одна. Соперницъ не было, и Москва, цѣнительница ея таланта и красоты, приносила ей дань и деньгами, и въ стихотвореніяхъ, какъ на примѣръ:

Ты идеаль и гибкости, и граціи,
Прими, Ирка, изъ нашихъ рукъ вѣнецъ
За стройный станъ, за нѣгу южныхъ націй,
За пожку, типъ Китайскій, наконецъ.

* *
*

Тебѣ кадятъ мужчины, дѣти, дамы;
Всю публику приводишь ты въ восторгъ;
Съ тобой балетъ, принявъ размѣры драмы,
Не разъ слезу сочувствія исторгъ... и проч.

Всѣхъ стиховъ я не помню, но и въ этихъ двухъ строфахъ выражается достойная оцѣнка таланта хорошенькой Ирки Матіасъ. Кромѣ общаго поклоненія Москвичей, были у Ирки - Матіасъ поклонники и исключительные, съ которыми она поступала съ безпощадностью истинной дочери Израиля, и таковыя поплатились за благоволеніе этой Терпсихоры своими родовыми помѣстьями и благосостояніемъ семей. Изъ вышеприведенныхъ стиховъ нельзя не замѣтить, что балетъ того времени былъ мимической драмой. И въ самомъ дѣлѣ, въ балетахъ 1840—1850-хъ годовъ преобладала пластика, и балеты въ большинствѣ, отличаясь драматическимъ содержаніемъ, были благопристойны. У танцовщицъ юбки были ниже колѣня, танцы отличались чрезвычайной скромностью и граціей. Въ танцахъ того времени не было ничего эротическаго. Не то мы видимъ нынѣ. Балетъ превратился въ акробатическое представленіе, въ которомъ танцовщицы и танцовщики не только изумляютъ своими головоломными раис и полетами, но и заставляютъ содрогаться зрителей за жизнь исполнителей.

Въ 1851-мъ году Москву посѣтила Фанни-Эльснеръ. Москвичи, склонные къ восторгамъ вообще, совсѣмъ обезумѣли.

Во все время пребыванія Фанни-Эльснеръ въ Москвѣ, я видѣлъ ее каждую Субботу въ домѣ князя Владимира Сергѣевича, куда она прїѣзжала обѣдать и гдѣ проводила вечера. Общество собиралось не-большое, но избранное. Вечера эти семейнаго характера посѣщала писательница графиня Растопчина и ея мрачный, лысый и съ обку-санными погтями супругъ. Танцовали подъ фортепіано, болтали, остряли. Въ танцахъ принимала участіе и Фанни-Эльснеръ.

Однажды князь шутя сказалъ ей о томъ, что и я влюбленъ въ нее. Знаменитая балерина, подшучивая надо мной, пригласила меня протанцовать съ нею кадрили, а въ воспоминаніе этого событія по-дарила мнѣ цвѣтокъ изъ маленькаго букета, приколотаго у ней на груди. Восторгъ мой трудно описать. Недѣлю цѣлую я былъ, какъ шальной, получилъ немало двоекъ, но за то сдѣлался героемъ между товарищами.

Въ 1851-мъ году Фанни-Эльснеръ было лѣтъ 40. Нѣсколько выше средняго роста, очень стройная и изящная, она на всѣхъ производила впечатлѣніе чарующее. Въ балетахъ Жизели и Эсмеральды она талантивою игрою вызывала искреннія слезы у зрителей. Прощаясь съ артистами Московскаго балета, она всѣмъ имъ сдѣлала очень богатые подарки, а въ томъ числѣ и учителю танцованія у насъ Пѣшкову палку чернаго дерева съ большимъ, художественно-сдѣланнымъ, золотымъ набалдашникомъ. По отъѣздѣ изъ Москвы, она, говорятъ, вышла замужъ за какого-то Нѣмецкаго герцога.

Съ отъѣздомъ Фанни-Эльснеръ наступилъ Великій постъ. Каза-лось бы, что Москва должна успокоиться; но не тутъ то было. Нача-ла Москву взволновало убійство княгини Голицыной Зыковымъ, который собирался постричься въ монахи, но, какъ видно прелести міра сего были сильнѣе стремленія къ царству небесному. А затѣмъ Москвичи предалися столоверченію. Аксаковы, съ кликою Славянофи-ловъ, вонили о бѣдствіяхъ братьевъ нашихъ Славянъ. Филаретъ гро-милъ проповѣдями грѣшниковъ, предавшихся бѣсу любопытства узнать будущее свое изъ постукиванія столовъ. Сорокъ сороковъ зауныв-нымъ звономъ колоколовъ призывали на молитву, но все тщетно. Явился и подоумный Иванъ Яковлевичъ Давытовъ, безъ церемоніи плевавшій въ песочницу или въ лица вопрошавшихъ, изъ чего дѣла-лись различныя заключенія, конечно, собственнаго изобрѣтенія посѣ-тителей. На улицахъ Москвы показались юродивые, между которыми особенной праведностью отличался Филипушка, вооруженный желѣзной дубиной, съ большимъ мѣднымъ голубемъ на рукояткѣ. Юродивые,

время цѣпями веригъ, прорицали, икали, плевали и предсказывали скорое пришествіе Антихриста съ семью печатами во лбу. Усердныя почитательницы юродивыхъ плакали и кормили ихъ на убой сайками и калачами съ игрой. Начали появляться чудотворныя иконы съ муроточивыми глазами. Полиція ловила юродивыхъ. Духовенство обнаруживало обманы. Словомъ, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ.

Отношенія политическія наши къ Европѣ и къ Турціи въ особенности обострились. Москвичи не унывали и заготовляли знаменитыя шапки, чтобы закидывать враговъ.

Семейство князя Голицына два лѣтнихъ мѣсяца проводило обыкновенно на жительствѣ въ посадѣ Троицко-Сергіевской Лавры, куда и меня нерѣдко брали. Все меня интересовало въ этомъ историческомъ гнѣздѣ Русской славы и величія. И гробница преподобнаго Сергія, къ мощамъ котораго я благоговѣйшо прикладывался, и гробница Бориса Годунова съ его семействомъ; и башня, съ которой юный царь Петръ стрѣлялъ утокъ; и монастырскія стѣны, въ которыхъ еще были замѣтны слѣды Польскихъ ядеръ. Въ воображеніи живо рисовались картины Святителя Сергія, благословляющаго Димитрія Донскаго на битву съ Татарами, и рыцарей-монаховъ Осляби и Пересвѣта, облеченныхъ въ броню, и Петра, спасающагося съ крестомъ въ алтарь отъ убійцы, подосланнаго Софьей, и мужественныхъ монаховъ, отражавшихъ и отразившихъ продолжительную осаду Русской святыни полчищами Поляковъ. Троицкая Лавра полна воспоминаній, много говорящихъ уму и сердцу Русскаго человѣка.

Препровожденіе времени моего въ Троицкой Лаврѣ проходило въ посѣщеніи заутренъ, литургій, вечеренъ и всенощныхъ въ Троицкомъ соборѣ, въ которомъ благолѣпная и торжественная служба и пѣніе монаховъ производили впечатлѣніе отрадное. Былъ я и въ окрестностяхъ Троицкой Лавры, а именно, въ Виваніи, нѣкогда дворцѣ митрополита Платона, и въ скиту. Скитъ въ то время отличался во первыхъ, замѣчательнымъ подборомъ монаховъ. Всѣ они были очень большаго роста, худые, блѣдные, съ длинными сѣдыми бородами. Въ оградѣ скита находилась маленькая деревянная церковь, сколоченная изъ обтесанныхъ бревенъ безъ гвоздей. Церковная утварь вся была деревянная. Облаченія священно-іеромонаховъ ситцевыя. Вблизи этой церкви, подъ деревяннымъ навѣсомъ, находилась могила, вырытая въ то время, не глубже аршина, собственноручно для себя митрополитомъ Филаретомъ, пріѣзжавшимъ для этой цѣли лѣтомъ на нѣсколько дней

изъ Москвы. Подъ землею находились обширные корридоры и церковь, въ которой отправлялось богослуженіе. Для притока наружнаго воздуха въ подземную церковь и корридоры были проведены трубы къ поверхности земли. Пѣніе монаховъ во время богослуженія въ этихъ катакомбахъ, исходившее изъ подъ земли, производило впечатлѣніе потрясающее. Въ скитъ этотъ женщины допускались однажды въ годъ, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы 15-го Августа. Все вышесказанное производило впечатлѣніе глубокое и отрадное; но жизнь тамъ, а въ особенности для мальчика, и тяжела, и скучна, а потому я и не особенно рвался туда впоследствии, предпочитая Москву съ ея Петровскимъ паркомъ, Сокольниками и Марьиной рощей, въ которой грустилъ навѣчъ чувствительный поэтъ Жуковский.

Въ 1854 году я окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса. Проектовъ объ избраніи для меня рода службы было немало. Отецъ проектировалъ опредѣлить меня учителемъ въ Пятигорское уѣздное училище. Такое желаніе князю казалось ни съ чѣмъ несообразнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, несообразно бы было засунуть мальчика, окончившаго курсъ въ высшемъ и даже аристократическомъ учебномъ заведеніи, какимъ въ то время считался Лазаревскій институтъ, въ уѣздное училище учителемъ. Да и что же это за учитель въ 17 лѣтъ! Князь, черезъ графиню Шуазель и графиню Пессельроде, хлопоталъ объ опредѣленіи меня чиновникомъ особыхъ порученій въ Тифлисъ при князѣ Воронцовѣ, или въ Москвѣ при графѣ Закревскомъ. И тотъ, и другой не отказались принять меня, но не иначе, какъ сверхштатнымъ чиновникомъ, безъ содержанія. Ни отецъ, ни князь Голицынъ не въ состояніи были давать мнѣ три-четыре тысячи въ годъ, чтобы я могъ жить въ средѣ блестящей и богатой молодежи, составлявшей свиту и князя Воронцова, и графа Закревскаго, безобидно для меня; а потому рѣшено было опредѣлить меня въ артиллерию. Въ это время кстати прибылъ въ Москву сынъ князя Голицына, адъютантъ князя Воронцова, князь Александръ, ѣхавшій въ Петербургъ съ ходатайствомъ отъ князя Воронцова о выкупѣ княгини Чавчавадзе и Орбелиани, находившихся въ плѣну у Шамиля.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ Владимира Сергѣевича къ графу Сумарокову, командиру въ то время гвардейскаго пѣхотнаго корпуса, я, по прибытіи въ Петербургъ, явился къ нему и передалъ письмо князя. За отвѣтомъ приказано мнѣ было явиться черезъ два дня, по истеченіи которыхъ графъ мнѣ объявилъ, чтобъ я въ 12 часовъ слѣдующаго дня явился къ начальнику штаба генераль-фельдцейгмейстера, генераль-адъютанту Безаку. Въ назначенный часъ при-

нять былъ я въ кабинетъ начальника штаба. Генераль, взглянувъ на меня, улыбнулся и сказалъ:

— Такъ это вотъ вы намѣреваетесь отправиться бить Турокъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Да вѣдь вы совершенный ребенокъ. Гдѣ же вамъ выдержать тяжесть военнополовой боевой жизни? Съ вашимъ аттестатомъ вы можете пристроиться гораздо удобнѣе. Да, наконецъ, я убѣжденъ, что никакой медикъ не дастъ вамъ необходимаго для поступленія на службу медицинскаго свидѣтельства. Да, наконецъ, поѣзжайте туда, по крайней мѣрѣ, хоть офицеромъ. По истеченіи трехъ мѣсяцевъ съ правомъ по образованію вы можете быть произведены въ артиллерію, конечно, сдавъ предварительно экзаменъ изъ наукъ военныхъ, которыхъ вы, безъ сомнѣнія, не знаете.

— Для того, чтобы сдать экзаменъ, я долженъ жить и готовиться въ Петербургѣ, а у меня нѣтъ средствъ на это.

— Если остановка за этимъ, я васъ прикомандирую къ образцовой батарее и поручу адъютанту моему, капитану Яновскому, съ тѣмъ, чтобы сдать экзаменъ въ ученое комитетѣ.

— Благодарю васъ, ваше превосходительство, за ваше доброе вниманіе; но воспользоваться имъ я не имѣю права, ранѣе чѣмъ получу на это разрѣшеніе отъ отца моего и князя Голицына, и я не хотѣлъ бы затруднять капитана Яновскаго заботами, за которыя я не въ состояніи отблагодарить его.

— Это ужъ не ваша забота. Подумайте и завтра ко мнѣ явитесь, а ежели вы твердо рѣшились поступить на службу нижнимъ чиномъ, то привезите съ собою и необходимыя бумаги, а какія именно, объ этомъ вамъ скажетъ въ штабѣ капитанъ Яновскій.

Раскланявшись съ добрымъ и привѣтливымъ генераломъ, я вышелъ отъ него прямо въ залы штаба, находившіяся рядомъ съ кабинетомъ начальника штаба. Капитанъ Яновскій объявилъ мнѣ, что при прошеніи объ опредѣленіи меня вольноопредѣляющимся въ легкую батарею Кавказской артиллерійской гренадерской бригады, я долженъ представить мой учебный аттестатъ, медицинское свидѣтельство и подписку о непринадлежности къ масонской ложѣ и другимъ тайнымъ обществамъ.

Въ этотъ же день я получилъ свидѣтельство отъ лейбъ-медика Блюма и требуемые документы, представилъ начальнику штаба, а на слѣдующій день уже былъ зачисленъ въ резервную легкую батарею, расположенную въ станицѣ Эссентукской, на Кавказѣ. Молодой князь

Голицынъ еще не окончилъ дѣла о выкупѣ плѣнницъ, а потому пришлось прожить нѣсколько дней въ Петербургѣ.

Мы жили въ *Hotél des Princes* на Большой Морской, и однажды утромъ я имѣлъ счастье встрѣтить императора Николая Павловича. Онъ былъ одѣтъ въ сѣрую солдатскую шинель и каску. Блѣдный, задумчивый и неотразимо-прекрасный и величественный Императоръ одинъ безъ свиты медленно шелъ по тротуару. Военныя дѣйствія на Дунаѣ были неуспѣшны. Осада Севастополя началась, и лишь одинъ Кавказъ радовалъ сердце Императора. Дня черезъ два, я снова видѣлъ Государя на смотру резервнаго гвардейскаго корпуса. Молодые полки, блестящей внѣшностью своей и исправкой не уступавшіе старой гвардіи, молодцами проходили церемониальнымъ маршемъ мимо Императора. Громогласные возгласы «рады стараться, Ваше Императорское Величество!» всегда побѣдоноснаго нашего воинства, какъ электричество проникали въ души зрителей. Мы радовались, мы надѣялись. Не первый разъ мы сталкивались съ Европой. Нѣтъ дорогъ, плохо оружіе; но и при этихъ условіяхъ Русская армія, какъ и всегда, окончила бы славно и побѣдоносно, ежели бы во главѣ ея въ то время находились вожди достойные ея, не боимотисты (князь Меншиковъ въ Крыму) и знатоки военной игры (Муравьевъ впоследствии на Кавказѣ). Но чтѣ было, то прошло и былшемъ поросло, и даже Севастополь возродился.

Въ ожиданіи отъѣзда, я осматривалъ достопримѣчательности Петербурга, былъ въ соборахъ Петропавловскомъ, Казанскомъ и Исакиевскомъ, гдѣ поклонился гробницамъ Петра Великаго и Кутузова. Былъ въ Невской Лаврѣ у гробницъ витязей нашихъ, Святаго Александра Невскаго и Александра Суворова. Былъ въ Эрмитажѣ и наслаждался пѣніемъ Лагранжа и Тамберлика, игрою Самойловыхъ, парясь въ райкахъ съ Юнинымъ, который въ то время принятъ былъ въ отдѣленіе восточныхъ языковъ Азіатскаго Департамента Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Была и мнѣ возможность, по личному предложенію директора департамента, поступить въ восточное отдѣленіе, и я вновь ѣздилъ къ генераль-адъютанту Безаку, котораго со слезами на глазахъ просилъ уволить меня въ отставку, и хотя генераль искренно сочувствовалъ и моей просьбѣ, и моему горю, но опять предложивъ мнѣ прикомандированіе къ образцовой батарее, онъ объявилъ, что увольненіе въ отставку юнкера, состоявшаго на службѣ всего нѣсколько дней, невозможно, тѣмъ болѣе въ военное время. Ну что же! Невозможно, такъ невозможно. Конечно, дипломатическая служба хороша и удобнѣе воен-

ной; но что сдѣлано, того не воротить, а снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

Порученіе, возложенное на князя Александра Голицына, было окончено. На выкупъ княгини назначили 60.000 рублей, и такъ какъ въ Петербургѣ дѣлать болѣе нечего было, то мы и выѣхали въ Москву, а распростившись съ ней, поскакали на курьерскихъ на Кавказъ.

ГЛАВА III.

Прибытіе въ батарею.—Командиръ батареи капитанъ Баумгартенъ.—Пріездъ на Кавказъ генерала Муравьева.—Смотръ батареи.—Кончина императора Николая 1-го.—Выступленіе батареи въ Грузію.—Переваль черезъ Кавказскій хребетъ.—Тифлисъ.—Стоянка въ Кумиссахъ.—Выступленіе въ Александрополь.—Выступленіе на урочище Омеръ-Ага.—Штурмъ Кара 17 Сентября 1855 г.—Возвращеніе отряда генерала Бакина на урочище Омеръ-Ага.—Прибытіе мое въ штабъ Владикарскъ.—Экзаменъ.—Я въ баракахъ Муравьева.

Не стану описывать встрѣчи моей съ родителями послѣ семилѣтней разлуки. Родители радовались, сестры и братъ прыгали и визжали отъ восторга. Старшая сестра была просватана за Любомирскаго, и потому въ комнатахъ происходило, что называется, столпотвореніе Вавилонское. Кроили, примѣряли, шили, смѣялись, бѣгали; но героемъ дня былъ все-таки я и, конечно, важничалъ и своимъ дипломомъ, и столичною опытностью.

Пятигорскъ показался мнѣ и маленькимъ, и до того молчаливымъ, что становилось грустно: какъ будто граждане вымерли, или заснули по манію какого нибудь волшебника, да такъ и не просыпаются.

На слѣдующій день зашелъ къ намъ пріѣхавшій изъ Эссентуковъ командиръ батареи, старый Кавказскій офицеръ съ Георгіемъ за Даргинскую экспедицію, капитанъ Алексѣй Егоровичъ Баумгартенъ. Онъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ на мѣсяць.

Довѣрчивый и простодушный Баумгартенъ былъ оригиналь большой руки. Живя по пословицѣ день да ночь, сутки прочь, Алексѣй Егоровичъ то заглядывалъ въ далекое будущее и умственнымъ взоромъ своимъ прозрѣвалъ мглу столѣтій, то забывалъ о завтрашнемъ днѣ. Женился онъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что, только на слѣдующій день увидѣвъ свою новобрачную супругу, пришелъ къ заключенію, что ему подсунули вмѣсто младшей сестры, въ которую онъ былъ влюбленъ всѣми силами офицерской пламенной души, старшую ея сестрицу, которую онъ также пылко ненавидѣлъ. «И вотъ, будемте откровенны, я съ горя закутилъ, и меня лишь черезъ недѣлю

отыскивали въ какомъ-то трактирѣ въ Петербургѣ. Пришлось поневолѣ сойтись съ супругой; но я какъ-то и до сихъ поръ не вѣрю, что я женатъ. Хотя есть и доказательство несчастной моей женитьбы, сынъ и дочь: я же все думаю, что это кошмаръ. Не пейте, юноша, Шампанскаго, а въ особенности въ семейныхъ домахъ: иначе женятъ васъ пожалуй на кухаркѣ». Такъ говорилъ онъ грустнымъ голосомъ, а я въ душѣ смѣялся. Порядокъ, или правильнѣе безпорядокъ, въ его домѣ былъ изумительный. Это была какая-то казарма, въ которую начальство не заглядывало, дежурный и дневальный бражничали. За обѣдненнымъ столомъ, то вилокъ, то ложекъ нѣтъ. Съѣстное припахивало конюшней. Хозяйка дома, у которой въ должности куафёра состоялъ конный фейерверкеръ Надѣевъ, расчесывавшій сначала хвосты и гривы батарейнымъ лошадямъ, а потомъ кудри капитаншѣ, выходила въ гостиную часовъ въ 12-ть, не ранѣе. Капитанъ сердился и бранился, дѣти кричали. Сумбуръ и грязь были невообразимые. Выражаясь словами Грибоѣдова, Баумгартенъ былъ оригиналь, брюзгливъ, но безъ малѣйшей злобы. Про него ходило множество анекдотовъ: то ѣдетъ онъ поздравить начальника Кавказской артиллеріи генерала Бриммера съ брилліантовымъ перомъ на папаху, высочайше пожалованнымъ ему за отличіе въ дѣлахъ съ горцами; то вмѣсто осетра привозитъ Бриммеру же дѣвку-казачку, уложенную въ передкѣ тарантаса безъ вѣдома Баумгартена. «А вотъ, ваше превосходительство, извольте посмотрѣть, какого осетра привезъ я вамъ, говоритъ Алексѣй Егоровичъ, выскакивая изъ тарантаса и подходя къ Бриммеру, случайно бывшему на крыльцѣ. Бриммеръ улыбается; но мгновенно улыбка замѣняется взоромъ исполненнымъ гнѣва и угрозы, когда вмѣсто осетра вытаскиваютъ хорошенькую, но дрожащую отъ испуга казачку. Картина! Генераль съ поднятыми кулаками бросается на Баумгартена. Ошеломленный капитанъ съ недоумѣніемъ смотритъ на осетра, превратившагося въ казачку. Въ глубинѣ сцены показывается старушка-генеральша, ехидно улыбающаяся. «Да что вы? Да какъ вы! говоритъ генераль, захлебываясь отъ гнѣва. Да знаете ли вы, что я васъ туда загоню, куда воронъ костей не заноситъ?» Баумгартенъ безмолвствуетъ. Выручаетъ изъ бѣды ямщикъ, сообщающій, что впереди осетра онъ засунулъ казачку, проспавшую довести ее до ближайшей и именно этой станицы, и при семъ вытаскивающій настоящаго осетра. Осетеръ великолѣпенъ, и еще живъ. Генераль успокоился.

Служба въ батареѣ была безпечальная и безхитростная. Конныхъ учений и практической стрѣльбы не производилось. Пятигорскъ подъ бокомъ, а тамъ и клубъ, и барышни, и потому мы чаще бывали въ

городѣ и рѣже въ батареѣ. Баумгартенъ загрустилъ вслѣдствіе крайне неблагодарной справочной цѣны на овесъ, и потому приказалъ кормить лошадей однимъ сѣномъ, справедливо разсуждая, что весна все таки будетъ, и лошади пагуляютъ себѣ тѣло на подножномъ корму. Лошади, съ досады, обросли такой густой и длинной шерстью, что мальчишки - казачата, глядя на нихъ во время водопоя въ рѣчкѣ Бугуштѣ, говорили: Васька, а Васька! Глянь-ка, казенныхъ вѣдьмедей погнажи пить воду.

Но вотъ, какъ раскаты далекаго грома, донеслись до насъ слухи о назначеніи главнокомандующимъ на Кавказъ генераль-адъютанта Муравьева. Начались усиленныя ученія и усиленное кормленіе лошадей, сначала сѣчкой съ отрубями, а потомъ и овсомъ. Наступилъ 1855 годъ. Въ началѣ Февраля проѣздомъ черезъ Эссентуки Муравьевъ осмотрѣлъ батарею. Солдаты дѣло свое знали, лошади блестя (лошадей вымазали постнымъ масломъ для блеска). Главнокомандующій остался доволенъ и поздравилъ батарею съ походомъ въ Грузію. Стали готовиться къ походу.

Ночевалъ главнокомандующій въ Пятигорскѣ, гдѣ въ день его пріѣзда опъ былъ встрѣченъ и мѣстными, и пріѣзжими властями, ожидавшими его въ залѣ благороднаго собранія. На правомъ флангѣ представлявшихся стоялъ Ставропольскій губернаторъ генераль-лейтенантъ Волоцкой, знаменитый расформированіемъ двухъ ротъ Апшеранскаго полка, которымъ опъ ранѣе командовалъ, и усмиреніемъ бунта крестьянъ въ селеніи Масломъ-Кутѣ. Имѣніе это принадлежало нѣкому Калантарову. Управляющему этимъ имѣніемъ захотѣлось полакомиться карасями. Вождетвіе это явилось у него въ Сочельникъ 24 Декабря. Погода стояла зимняя. Прудъ замерзъ: «Ну, братцы, айда въ воду! Потѣшите его милость рыбкой». — «Не желаемъ». — «Не желаете?» — «Нѣтъ не желаемъ: и мокро, и холодно». — «Степка, валяй за становымъ!»... Полетѣло донесеніе въ Ставрополь, откуда для укрощенія бунта крестьянъ, генераль - лейтенантъ Волоцкой привелъ съ собой баталіонъ пѣхоты, сотню казаковъ и дивизионъ артиллеріи батареи Москалева. Крестьяне встрѣтили его превосходительство стоя на колѣняхъ и съ хлѣбомъ-солью. «Выдать зачинщиковъ!» — «Да мы всѣ зачинщики, выслушай насъ, отецъ родной», просили плачущіе крестьяне. — «Знать ничего не хочу, давайте зачинщиковъ». — «Нѣтъ у насъ зачинщиковъ». — «А, нѣтъ: такъ бить ихъ!» Пѣхота и казаки позамѣшкались исполнить грозное приказаніе, а этимъ временемъ воспользовавшись, толпа въ нѣсколько тысячъ крестьянъ различныхъ возрастовъ и половъ успѣла скрыться за церковною оградой. Черезъ

церковную ограду бросили нѣсколько картечныхъ гранатъ. Въ тѣсно скученной толпѣ опустошеніе было произведено страшное. На полѣ битвы осталось около 400 душъ раненыхъ и убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Бунтъ усмиренъ. Крестьяне раскаялись. Волоцкой отправился въ Ставрополь. На слѣдствіе (наканунѣ пріѣзда Муравьева), пріѣзжалъ генераль Рядъ, и по слѣдствію оказалось, что съ крестьянами иначе и нельзя было поступить.

И такъ на правомъ флангѣ представляющихся новому намѣстнику стоялъ г.-л. Волоцкой. Муравьевъ подошелъ къ нему первому и, остановившись передъ нимъ, устремилъ на него вопросительный взоръ. Но тутъ случилось нѣчто непонятное. Отважный и рѣшительный Волоцкой забылъ свою фамилію. «Волоцкой, Волоцкой, Волоцкой», шепчетъ ему стоявшій сзади полиціймейстеръ маіоръ Полнобоковъ. Волоцкой молчитъ. Намѣстникъ ожидаетъ, и на губахъ его змѣится саркастическая улыбка. Полнобоковъ волнуется и наконецъ не выдерживаетъ и громогласно восклицаетъ: «Ставропольскій губернаторъ генераль-лейтенантъ Волоцкой!». Намѣстникъ идетъ далѣе и доходитъ до лѣваго фланга, гдѣ, съ хлѣбомъ-солью на подносѣ въ дрожащихъ рукахъ, находился городской голова. Голова, приготовившій на сей случай приличную рѣчь, позабылъ не только рѣчь, но даже и то, гдѣ онъ и что онъ. Онъ видѣлъ передъ собою что-то ужасное и трепеталъ. «Кто ты такой?» спросилъ намѣстникъ обращаясь къ нему. «Я то?» — «Ну, да!» — «Запомнитъ, ваша свѣтлость». — «Ну, вспомни». — «Я, голова Дураковъ», отчаянно крикнулъ голова. Невольная улыбка всѣхъ присутствующихъ еще болѣе смутила голову и раздражила намѣстника. Выведите вонъ этого нахала, сказалъ Муравьевъ; но въ это мгновеніе подбѣжалъ къ нему маіоръ Полнобоковъ и доложилъ, что это дѣйствительно городской голова, и что по странному стеченію обстоятельствъ фамилія его Дураковъ, и что онъ даже подалъ прошеніе о замѣнѣ его фамиліи другой болѣе приличной и необходимой для Пятигорскихъ гражданъ.

Кстати о Полнобоковѣ. Года черезъ четыре я встрѣтилъ, по дорогѣ между Ставрополемъ и Пятигорскомъ, партію арестантовъ, между которыми находился и Полнобоковъ. Я остановился, выскочилъ изъ телѣги и подбѣжалъ къ Полнобокову. — «Что это съ вами, Александръ Ивановичъ?» — «Да вотъ какъ видите, путешествую на казенный счетъ въ Сибирь». — «За что?» — «А вотъ за что. Помните вы гувернантку у генерала Вагнера?» — «Помню. Что же, вы убили что ли ее?» — «Нѣтъ, только женился; но оказалось, что первая моя жена жива, и вотъ меня судили, и сослали въ Сибирь. Изъ Сибири удеру въ Турцію, ибо

только тамъ и можно жить порядочнымъ и чувствительнымъ людямъ». Я вскочилъ на телѣгу и поскакалъ далѣе, размышляя на тему о бракахъ и расторженіи ихъ. Напримѣръ, Полнобоковъ гуляетъ въ Сибирь только потому, что первая его жена, женщина самаго отвратительнаго характера и поведенія, судя по словамъ Полнобокова, бросила его и исчезала безъ вѣсти нѣкоторое время, а затѣмъ, выждавъ вторичной женитьбы мужа, предъявила свои права, и храброго майора сослали въ Сибирь. Но къ дѣлу.

Познакомившись съ властями, Муравьевъ поѣхалъ къ двумъ ротамъ линейнаго баталіона, ученіемъ которыхъ остался крайне недоволенъ, ибо построенія производились не съ той отчетливостію, къ которой глазъ главнокомандующаго привыкъ въ Россіи. Отсюда онъ поѣхалъ въ госпиталь, гдѣ тоже остался недоволенъ и отрѣшилъ генерала Принца отъ должности коменданта. Напугавъ всѣхъ въ Пятигорскѣ, главнокомандующій отправился въ Георгіевскъ. Велѣдъ за нимъ поѣхалъ и командиръ линейнаго баталіона полковникъ Монаенко, двѣ роты котораго были расположены въ Георгіевскѣ. Осмотромъ этихъ ротъ Муравьевъ остался тоже недоволенъ. Участъ Монаенки висѣла на волоскѣ, который не замедлилъ оборваться. Его потребовали въ кабинетъ къ главнокомандующему. Муравьевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Монаенко пришлось стоять спиною къ жарко-пылавшему камню. Старикъ, взволнованный и распеканціями на смотрахъ въ Пятигорскѣ, и здѣсь, не зная куда дѣться отъ жара пылавшаго въ каминѣ, едва держался на ногахъ. «Полковникъ Монаенко! Вамъ слѣдуетъ быть кашеваромъ, а не командиромъ баталіона. Баталіонъ вашъ ни къ чорту не годится; да и не мудро, когда командиръ пьянствуетъ. Посмотрите, онъ и теперь пьянъ, еле на ногахъ стоитъ! Подайте въ отставку». Монаенко, упалъ какъ подкошенный на полъ. «Вынесите вотъ этого пьяницу!» Не мѣшаетъ сказать, что старый и заслуженный Василій Ильичъ Монаенко кромѣ воды никакихъ иныхъ напитковъ не употреблялъ.

Изъ Георгіевска главнокомандующій поѣхалъ далѣе, всѣхъ сокрушая и всѣхъ осыпая сарказмами. Изъ крѣпости Грозной онъ написалъ письмо къ А. П. Ермолову, въ которомъ, иронизируя надъ качествами Кавказской арміи, осыпалъ сарказмами начальниковъ ея и горько сожалѣлъ о сибаритизмѣ, которому они предавались: напримѣръ, начальникъ лѣваго фланга баронъ Врангель, имѣя передъ глазами землянку вашу, живетъ во дворцѣ и утопаетъ въ роскоши! Но въ то время, когда Ермоловъ строилъ крѣпость Грозную, и землянка, въ

которой жилъ онъ, была дворцомъ, а по истеченіи тридцати лѣтъ Грозная обстроилась, и въ землянкахъ помѣщались развѣ кузницы

Иронизируя и относясь съ негодованіемъ ко всѣмъ и ко всему, генералъ Муравьевъ позабылъ, что онъ пріѣхалъ быть вождемъ той арміи; которая всегда и всюду славно и побѣдоносно проявляла себя. Подвиги оказанные въ Баядурѣ, Башкадыкларѣ и Курюкдарѣ, еще ярко блистали на штыкахъ этой единственной и неподржаемой арміи. Среди арміи, въ рядахъ которой Муравьевъ, какъ полководецъ, долженъ былъ пріобрѣсти любовь для предстоящихъ подвиговъ (ибо война была въ разгарѣ, и въ Севастополѣ дѣла наши ухудшались) главнокомандующій поселилъ неудовольствіе къ себѣ и скрытую ненависть. На все есть свое время, и ранѣ чѣмъ уничтожать, слѣдовало приглядѣться, приласкать и, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который оказался подъ руками, умѣть привлечь, а не оттолкнуть отъ себя отдѣльныхъ начальниковъ арміи, которые еще такъ недавно стяжали славу въ битвахъ и съ горцами, и съ Турками. Армія не губернское правленіе, въ которомъ, безъ ущерба дѣлу, можно замѣнять новыхъ чиновниковъ другими; да и здѣсь осторожный начальникъ сначала подумаетъ, а потомъ уже и начнетъ сокращать. Не время было иронизировать и писать письмо Ермолову объ изпѣженности и сибаритизмѣ Кавказцевъ. Эти сибариты умѣли одерживать славныя побѣды, и въ ту по истинѣ тяжелую для Россіи минуту лишь они радовали императора Николая своими блестящими побѣдами.

Размолвка главнокомандующаго съ начальникомъ штаба арміи, княземъ Барятинскимъ, боевымъ, талантливымъ и весьма популярнымъ генераломъ, была крупною ошибкою. Устраненіе такого помощника было равносильно поражению еще до встрѣчи съ непріателемъ. Не князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, не бравшій оружія въ руки съ 1828 года, выигралъ сраженія подъ Башкадыкларомъ и Курюкдаромъ, а руководилъ обоими сраженіями начальникъ штаба князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Отъѣздъ князя Барятинскаго произвелъ крайне дурное впечатлѣніе на Кавказцевъ. Таланты генерала Муравьева, какъ искуснаго предводителя войскъ на маневрахъ, и его научное образованіе могли очаровывать въ Россіи на плацъ-парадахъ, а на Кавказѣ и прапорщики знали разницу между маневрами и дѣйствительнымъ боемъ.

Пріунывшихъ Кавказцевъ какъ громомъ поразило извѣстіе о кончинѣ императора Николая. Мы узнали объ этой тяжелой, несвоевременной утратѣ 25 Февраля, отъ курьера, везшаго это горестное извѣстіе въ Тифлисъ.

Распоряженіе о принесеніи присяги императору Александру Николаевичу застигло насъ на походѣ батареи въ Грузію. Въ станицѣ Ново-Павловской мы присягнули и отправились далѣе, гдѣ насъ ожидали подвиги и слава.

Погода была теплая и сухая, и мы подошли къ станціи Казбекъ, какъ бы совершая прогулку. Во Владикавказѣ, вслѣдствіе полученнаго извѣстія о томъ, что на Крестовой горѣ и въ Байдарскомъ ущельи дорога завалена снѣговымъ обваломъ, маршрутъ батареи былъ измѣненъ, и мы отъ станціи Казбекъ свернули на лѣво по Черной рѣчкѣ черезъ деревню Цно и Буслачирь. На ночлегахъ въ этихъ двухъ Осетинскихъ деревушкахъ насъ едва не съѣли блохи. Неопрятность Осетинъ, не знающихъ ни бани, ни чистаго бѣлья, по истинѣ изумительна. Сакли у нихъ сложены изъ плоскаго плитняка, какъ попало, лишь бы стѣны не развалились. Огонь раскладывался по серединѣ этой обширой сакли на земляномъ полу, и дымъ едва выходилъ въ небольшое отверстіе въ крышѣ. Мириады блохъ осыпали непривычнаго къ нимъ путника; глаза выѣдалъ дымъ, стлавшійся по саклѣ. Прибавьте къ этому специфическую вонь отъ обывателей и скотовъ!

Еще до разсвѣта батарея выступила изъ деревни Буслачирь и вскорѣ подошла къ водораздѣлу Кавказскаго хребта. Поднимались мы зигзагами по глубокимъ корридорамъ, вырубленнымъ въ снѣгу. Подъемы не особенно круты, но тѣмъ не менѣе въ помощь намъ мѣстный участковый приставъ, капитанъ Куликовъ, пригналъ двѣ или три сотни Осетинъ. Въ мѣстахъ трудныхъ Осетины очень много кричали и очень мало помогали, при чемъ производили лишь безпорядокъ; а потому командиръ батареи съ половины подъема заблагоразсудилъ прогнать ихъ, и батарея, хотя и не безъ труда, но къ пяти часамъ вечера поднялась на вершину перевала, и вотъ передъ глазами нашими, облитая яркими лучами южнаго солнца, открылась, въ зелени и цвѣтахъ, красавица Грузія.

Спустившись по зигзагамъ южнаго склона въ Гудакамарское ущелье, мы расположились на ночлегъ въ палаткахъ на берегу Арагвы, близъ госпиталя.

Добродушные Грузины, не скупясь, угощали насъ и хорошимъ Кахетинскимъ, и вкусными шашлыками изъ молодыхъ барашковъ. Путь нашъ до Тифлиса былъ какимъ-то безконечнымъ праздникомъ. Солдатики шли весело, быстро сходились съ Грузинами, и мы не замѣтили, какъ подошли къ этой древней столицѣ Грузинскаго царства.

Верстахъ въ двухъ или трехъ отъ города, батарея остановилась, и намъ приказано было почиститься и принарядиться передъ вступленіемъ въ городъ; а одинъ изъ офицеровъ батареи посланъ впередъ къ коменданту доложить о прибытіи батареи и узнать вмѣстѣ съ этимъ, гдѣ ей остановиться. Возвратившійся офицеръ передалъ приказаніе вступать въ Тифлисъ по Головинскому проспекту и имѣть въ виду, что, проходя мимо дворца главнокомандующаго, мы, можетъ быть, будемъ встрѣчены его высокопревосходительствомъ. Для ночлега же намъ было указано мѣсто по другую сторону города, на Александропольской дорогѣ.

По командѣ: «Справа въ одно орудіе! Ящики за орудія!» батарея спустилась на Верійскій мостъ и, поднявшись на гору (съ которой въ 1837 году лошади, не сдержавъ тяжелой коляски императора Николая Павловича, повесели и опрокинули экипажъ на поворотѣ къ мосту, при чемъ Государь такъ счастливо упалъ, что даже не ушибся, и на мѣстѣ этомъ воздвигнуть былъ памятникъ), батарея вступила въ предмѣстья города, направо и налево покрытыя виноградными садами, и лишь съ того мѣста, гдѣ нынѣ находится кадетскій корпусъ, начинался Головинскій проспектъ. По обыкновенію батарею провожала толпа любопытныхъ, ежеминутно увеличивающаяся. Навстрѣчу къ намъ выѣхали комендантъ генералъ Ротъ и полицеймейстеръ, при помощи которыхъ толпу зѣвакъ съ правой стороны перегнали на лѣвую, чтобы открыть батарею при прохожденіи ея мимо дворца главнокомандующаго, который смотрѣлъ на насъ стоя у открытаго окна, и, должно быть, остался доволенъ внѣшнимъ видомъ батареи, ибо замѣчаній никакихъ не послѣдовало.

Продолжая движеніе по проспекту, мы пересѣкли Эриванскую площадь, спустились на Армянскій базаръ и затѣмъ выбрались за городъ, гдѣ и расположились лагеремъ. На отдыхъ намъ было дано три дня.

Въ 1855 году Тифлисъ и по внѣшности, и по складу жизни былъ еще вполнѣ Азіатскій городъ, самую оживленную часть котораго составлялъ Армянскій базаръ. Здѣсь на улицахъ и варили, и пекли, и шили, и одѣвались, и раздѣвались, и ковали лошадей. Шумъ и гвалтъ были невообразимые. Въ кривыхъ, грязныхъ и вонючихъ переулкахъ копошилась такая толпа народу, что пройти, или въ особенности проѣхать, можно было съ трудомъ. Лавчонки съ краснымъ и мелочнымъ товаромъ, сушеными и свѣжими фруктами и зеленью, съ бурдюками Кахетинскаго вина и настоящаго Турецкаго табаку, который тутъ же

и крошили, и складывали въ большія деревянныя и глиняныя чашки, не отличались опрятностью, но за то щеголяли изумительно дешевизною. Напримѣръ, фунтъ самага лучшаго табаку, котораго нынѣ и за 10 р. не купишь, продавался по 60 коп. Тунга, т. е. пять бутылокъ хорошаго Кахетинскаго вина, стоила 25 к. Въ мануфактурныхъ лавкахъ, преимущественно съ Персидскими и Шемахинскими издѣліями, ковры и шелковыя матеріи тоже были очень дешевы. Коверъ въ пять аршинъ длины и три аршина ширины продавался за 20 — 25 р., не дороже. Самый лучшій канаусъ стоилъ 20 коп. аршинъ.

Лучшими частями города были Эриванская площадь и незначительная часть Головинскаго проспекта, на которыхъ попадались дома Европейской архитектуры. Сололаки представляли изъ себя ауль, утопвшій въ садахъ и виноградникахъ. Въ Кукахъ была Нѣмецкая колонія съ двумя рядами маленькихъ домиковъ. Пески и Авлабаръ составляли тоже большой ауль. На Навтлугѣ были госпиталь и немногіе домики врачей и служащихъ чиновниковъ. Вотъ и весь Тифлисъ 1855 года; но за то жизнь была въ немъ ключомъ. По улицамъ взадъ и впередъ сновала толпа въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: то въ чухахъ съ откидными рукавами и яркихъ шелковыхъ бешметахъ, перетянутыхъ серебряными или золотыми широкими поясами; то чиновники въ фуражкахъ и соломенныхъ шляпахъ, закрытыхъ бѣлой кисеей; то офицеры въ панахахъ. Все это кричало, пѣло, бѣжало. Въ воздухѣ стоишь стоялъ. Изрѣдка показывались, какъ привидѣнія, и Грузинки, закутанныя въ бѣлыя чадры, изъ-за которыхъ видѣлись сверкающія очи, любопытно оглядывавшія мужчинъ не въ національныхъ костюмахъ. Кстати о Грузинкахъ. Нигдѣ женщина не пользовалась такимъ уваженіемъ и свободою, какъ въ Грузіи. Говорятъ, будто причиною этого недостатокъ женщинъ, которыхъ толпами уводили и продавали въ Персію и Турцію; но я думаю, причину этой свободы и уваженія искать въ самой женщинѣ-Грузинкѣ, въ добродушіи и любезности Грузини. Грузинка также мила въ обществѣ, какъ заботлива въ семьѣ и хозяйствѣ.

Роскошная природа, вѣчная пѣсня и музыка превращаютъ жизнь въ Грузіи въ какой-то безконечный праздникъ. Грузины и ѣдятъ, и пьютъ, и дома строятъ подъ неумолкаемую пѣсню. До васъ доносится то звуки зурны, то пѣсня Грузина, забравшагося на крышу сакли, то бубень, подъ звуки котораго пляшетъ, тоже на крышѣ сакли, стройная красавица-Грузинка, на которую не грѣхъ заглядѣться. Веселье общее и, при обиліи вина, ни одного пьянаго, ни одной грязной сцены. «Счастливый, пышный край земли!»

Послѣ тѣхъ пытокъ и мученій, которыя перенесла многострадальная Грузія отъ Лезгинъ, Турокъ и Персовъ, не грѣхъ было и побаловать этихъ милыхъ, добродушныхъ Грузинъ; но князь Воронцовъ слишкомъ баловалъ ихъ, и немудрено, что Грузины на милости правительства смотрѣли, какъ на нѣчто обязательное. Напротивъ, Муравьевъ отнесся къ нимъ слишкомъ сурово и даже грубо, не скупясь на насмѣшки и называя ихъ «голонятами».

Князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, бывший адъютантъ князя Воронцова, рассказывалъ мнѣ про случай встрѣчи его съ Муравьевымъ. «Пріѣхавъ изъ Циондалы, я отправился во дворецъ главнокомандующаго, чтобы явиться къ его высокопревосходительству. Въ то время я недавно пожалованъ былъ чиномъ полковника и званіемъ флигель-адъютанта. Пріемный залъ былъ полонъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Послѣ недолгаго ожиданія, главнокомандующій вышелъ къ намъ изъ внутреннихъ покоевъ. Когда очередь дошла до меня, то Муравьевъ, остановившись возлѣ меня и оглядѣвъ съ головы до ногъ, произнесъ: «А, вотъ и вы надѣли красные штаны! И, должно быть, важничаете очень; у меня тоже красные штаны, а я же вотъ не важничаю». — «У меня, ваше высокопревосходительство, пока еще только красные лампасы, и до красныхъ штановъ я еще доживу, вѣроятно, не скоро, и потому и важничать мнѣ нечѣмъ». Намѣстникъ презрительно улыбнулся и отошелъ отъ меня. Немилость его за отвѣтъ мой выразилась въ томъ, что онъ лишилъ меня возможности быть въ дѣйствующихъ войскахъ».

Князь Эристовъ, прозванный въ Грузіи батушкой Эристовымъ, вслѣдствіе привычки его въ разговорахъ прибавляетъ слово «батушка», желая повидаться съ бывшимъ подчиненнымъ и боевымъ товарищемъ, не взирая на свои весьма преклонныя лѣта, выѣхалъ изъ имѣнія своего Атэшъ, близъ города Гори, въ Тифлисъ. Далѣе я буду передавать словами князя. «Ну, вотъ, батушка, пріѣхалъ я въ Тифлисъ. Остановился у одного изъ родственниковъ, отдохнулъ и на слѣдующій день, нарядившись въ мундиръ, поѣхалъ во дворецъ главнокомандующаго. Вотъ, думаю, Николай Николаевичъ обрадуется! Вѣдь было время, въ походѣ изъ одной чашки щи хлебали. Вошелъ я въ залъ. Меня встрѣтилъ дежурный адъютантъ. «Какъ прикажете доложить о васъ?» — «Доложите, что батушка Эристовъ очень желаетъ видѣть его». Адъютантъ пошелъ въ кабинетъ и вскорѣ вернулся съ отвѣтомъ, что его высокопревосходительство проситъ подождать. Обидѣло это меня старика; но думаю, можетъ быть, важное дѣло есть. Подожду. Спужу и думаю. Вотъ

я генераль-отъ-инфантеріи пріѣхалъ съ визитомъ къ генералу же отъ-инфантеріи, который когда-то былъ моимъ подчиненнымъ, и я этого подчиненнаго не заставлялъ ждать себя въ передней, хотя и былъ въ то время генераль-лейтенантомъ, а онъ только полковникомъ. Но дѣлать нечего, сижу и жду; жду и думаю. Когда-то я былъ грозою Персіанъ, и передо мною гнули спины и ханы, и даже наслѣдникъ Персидскаго престола, а вотъ теперь и адъютантъ Муравьева какъ-то покровительственно глядитъ на меня. Я вспыхнулъ и всталъ, чтобъ уйти, не ожидая счастья видѣть очи Николая Николаевича; но въ эту минуту въ залъ вошелъ главнокомандующій, подошелъ ко мнѣ и, хотя сухо, но вѣжливо поздоровавшись со мною, пригласилъ меня въ кабинетъ. «Ну, что, князь, какъ поживаете? Не съ просьбой ли? Меня осаждаютъ просьбами», сказалъ главнокомандующій. А у меня и просьбы-то никакой не было. Я просто хотѣлъ повидаться съ старымъ боевымъ товарищемъ; но при словѣ «просьба» я вспомнилъ племянника моего капитана князя Орбеліани и рѣшился попросить Муравьева взять его къ себѣ адъютантомъ или хотя ординарцемъ. На это главнокомандующій отрѣзалъ мнѣ слѣдующее: «Я, ваше сіятельство, приближаю къ себѣ людей дѣла, а не искателей служебной карьеры, и потому племянника вашего принять въ свой штабъ не могу». Я всталъ, поклонился и вышелъ, какъ оплеванный. Коли хотите, Муравьевъ правъ; но такихъ просителей, какъ князь Эристовъ, котораго съ нимъ связывали многолѣтнія боевыя воспоминація, во всей Россіи былъ только я одинъ, батюшка Эристовъ».

Сухость и суровость Муравьева имѣли послѣдствія самыя плачевныя. Его не любили и въ арміи, и въ населеніи, и не въ этомъ ли надо искать одну изъ причинъ, въ числѣ прочихъ, неудачнаго штурма Карса?

Сокращая государственные расходы, Муравьевъ лишилъ офицеровъ дѣйствующей арміи раціонныхъ денегъ, помогавшихъ имъ справляться съ всегда дорогою походною жизнью. Жалованья въ то время отпускали прапорщику 210 р. годъ, съ незначительною прибавкою по чинамъ выше до штабъ-офицерскаго чина. Между тѣмъ, въ это же время высылались изъ дѣйствующей арміи десятки и сотни тысячъ въ банки и приказы общественнаго призрѣнія интендантскими чиновниками и подрядчиками. Маркитанты буквально грабили офицеровъ и солдатъ. Армяне принимали ассигнаціи наши за двѣ трети и даже половину стоимости ихъ. Изнанка войны всегда некрасива, но иногда она подкрашивается блескомъ побѣдъ, чего въ 1855 году впрочемъ не

было на обоихъ театрахъ военныхъ дѣйствій. Въ Севастополь войска наши геройски умирали, и только. Въ Азіатской Турціи приготовлялись умирать, но съ увѣренностью побѣдить, ибо Кавказцы подъ начальствомъ своихъ генераловъ привыкли къ побѣдамъ.

Войска рвались въ бой, а ихъ заставили блокировать Карсъ съ Мая мѣсяца и до половины Сентября. Турки, въ виду бездѣйствія всегда грозныхъ для нихъ Русскихъ солдатъ, окапывались и приготовлялись къ оборонѣ, на что они имѣли полную свободу вслѣдствіе того, что мы не производили осадныхъ работъ. Поиски значительными отрядами за Саганлугъ и въ другія мѣстности были весьма эффектны, но бесполезны. Ежели главнокомандующій опасался риска, то незачѣмъ было и переходить границу? Можно было ограничиться оборонительною войною, чтобы сохранить Закавказье.

Нерѣшительность главнокомандующаго деморализуетъ духъ арміи. Муравьевъ безспорно былъ и высокой чести, и многосторонняго образованія человекъ; онъ могъ быть хорошимъ военнымъ министромъ, но не главнокомандующимъ и намѣстникомъ. Прекрасный теоретикъ, онъ не зналъ ни жизни, ни солдата. Австрійскіе генералы выигрывали сраженія въ проектахъ и планахъ военныхъ дѣйствій, а въ дѣйствительныхъ бояхъ ихъ били. Диспозиція Муравьева для штурма Карса была составлена по правиламъ военнаго искусства, преподаваемаго въ книгахъ и, не взирая на это, насъ крѣпко поколотили Турки.

Какъ я уже сказалъ выше, батарея была данъ трехдневный отдыхъ въ Тифлисѣ. Быть въ Тифлисѣ и не быть въ тѣхъ знаменитыхъ баняхъ, которыя подстрекали любопытство мое при чтеніи «Путешествія въ Эрзерумъ» Пушкина, значило бы тоже, что быть въ Римѣ и не видѣть папы. Изъ бани я отправился къ дѣду и бабушкѣ, имѣвшимъ тогда въ Тифлисѣ собственный домъ. Радости стариковъ не было предѣла. Трехдневное пребываніе мое у нихъ было сплошнымъ баловствомъ. Дѣдъ, Николай Матвѣевичъ, много рассказывалъ мнѣ о А. П. Ермоловѣ и его начальнически-добрыхъ и привѣтливыхъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ. У него, говорилъ дѣдушка, домъ съ утра и до вечера былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ, и въ этомъ былъ большой смыслъ, ибо такимъ образомъ главнокомандующій могъ лично опредѣлять свойства своихъ гостей, служившихъ подъ его начальствомъ, а не по рекомендаціямъ.

Получивъ благословеніе стариковъ, а отъ дѣдушки золотой перстень, украшенный большой бирюзой, пожалованный ему А. П. Ермо-

ловымъ, я отправился догонять батарею, выступившую по направленію къ селенію Кумиссы, гдѣ намъ произведенъ былъ смотръ начальникомъ артиллеріи Кавказской арміи, ген.-лейтенантомъ Бриммеромъ. Бриммеръ былъ назначенъ командиромъ корпуса, сосредоточеннаго въ Александрополь для наступленія къ Карсу.

Въ началѣ Іюня батарея выступила сначала на Бѣлый Ключъ, потомъ въ Манглисъ, гдѣ собрана была вся резервная дивизія Кавказской арміи подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Базина, и откуда насъ направили въ Александрополь, представлявшій изъ себя картину шумнаго военного города. По улицамъ сновали офицеры и солдаты полковъ Кавказской арміи и 18-й и 13-й дивизій, прибывшихъ изъ Россіи. Лавки и гостиницы предприимчивыхъ Жидовъ, Нѣмцевъ и Армянъ были постоянно биткомъ набиты посѣтителями. Для развлеченія пріѣзжихъ офицеровъ явился и циркъ, подъ управленіемъ Лоббе, и въ немъ прехорошенькая и граціозная наездница Anastasie, ради прелестныхъ глазокъ которой Шампанское дѣлалось рѣдкою и въ самомъ циркѣ, и въ квартирѣ Лоббе, катавшася по этой причинѣ, какъ сыръ въ масле. Перепадало немало полунимперіаловъ для поощренія труппы Лоббе, а въ особенности таланта дѣвочки Anastasie, которую въ 1858 году въ Майкопѣ я зналъ уже подъ именемъ Матильды.

Стоянка въ Александрополь до Сентября мѣсяца была не то, что скучна, а просто надоѣло жить два мѣсяца на одномъ и томъ же мѣстѣ. Правда, время разнообразилось то гуломъ орудійныхъ выстрѣловъ изъ Карса, то извѣстіями съ театра войны о рекогносцировкахъ и удачныхъ поискахъ маленькихъ нашихъ отрядовъ въ непріятельскія стороны, при чемъ отрядъ Ковалевскаго разбилъ небольшой же отрядъ Али-паша. Въ этой стычкѣ особенно отличился командиръ казачьей сотни есауль Сердюковъ, взявшій собственноручно въ плѣнъ пашу.

Пашу этого отправили въ Россію, и въ проѣздъ его черезъ Александрополь мнѣ пришлось видѣть его. По вѣншиности онъ несколько не отличался отъ продавцовъ сушеныхъ фруктовъ или Кахетискаго, съ тою разницею, что маркитанты-Армяне носили чохи и папахи на головѣ, а Али-паша одѣтъ былъ въ короткій однобортный на крючкахъ казакинъ темно-синяго сукна, на головѣ имѣлъ малиновую феску съ мѣдной бляхой на тульѣ и съ большой синей шелковой кистью, спускавшейся ниже уха изъ подъ бляхи.

Въ гостиницахъ и лавкахъ торговцы обдирали посѣтителей немилосердно. Цѣны на всѣ предметы были удвоенныя, утроенныя и

даже учетверенныя. Между лавками посѣщался въ особенности часто чайный магазинъ какого-то Еврея; но публика привлекалась туда не столько желаніемъ купить фунтъ или два чая, сколько красавицею-женой хозяйина магазина, заглядываясь на которую, покупатели забывали о сдачѣ, и потому магазинъ торговалъ на славу. Послѣ сдачи Карса впередъ до заключенія мира съ Турками, корпусомъ командовалъ знаменитый генераль Х.....; онъ плѣнился Еврейкою до того, что пригласилъ ее быть хозяйкою его холостой квартиры, на что супругъ-Еврей и согласился, вѣроятно, не за чечевичную похлебку.

Сообщеніе Александрополя съ корпусомъ, находившимся подъ Карсомъ на протяженіи 70 верстѣ, было ежедневное. Транспорты пу-
стыхъ арбъ и повозокъ, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, взвода орудій и сотни казаковъ, доходили до половины разстоянія между Карсомъ и Александрополемъ и, встрѣтившись съ такою же колонною, но съ нагруженными повозками и арбами, обмѣнивались между собою и предпринимали обратное движеніе. Въ одну изъ такихъ оказій я имѣлъ случай познакомиться съ зятемъ Муравьева, полковникомъ Корсаковымъ, и капитаномъ генеральнаго штаба Прохоровымъ. При расположеніи колонны на ночлегъ, невдалекѣ отъ моей палатки подъ арбою, расположились ночевать штабъ-офицеръ въ адъютантской формѣ и оберъ-офицеръ генеральнаго штаба. Небо заволокло тучами, началъ накрапывать дождь, обѣщавшій въ скоромъ времени обратиться въ ливень. Перспектива провести ночь подъ дождемъ на открытомъ воздухѣ не особенно соблазнительна, а потому я, не долго думая, подошелъ къ Корсакову и Прохорову и попросилъ ихъ помѣститься у меня въ палаткѣ. Просьба моя, разумѣется была исполнена весьма охотно, и мы не разставались до обмѣна колоннъ. Съ Корсаковымъ я встрѣтился еще разъ послѣ штурма Карса у ставки главнокомандующаго, а Прохорову вскорѣ на рекогносцировкѣ укрѣпленій Карса оторвало голову Турецкимъ ядромъ.

На пути, колоннѣ приходилось проходить по мѣстамъ, ознаменованнымъ славными побѣдами въ сраженіяхъ Башкадыкларскомъ и Курюкдаринскомъ, гдѣ на каждаго нашего воина приходилось по пяти и болѣе Турецкихъ солдатъ. Поля сраженій были густо усѣяны могилами, безпорядочно сложенными изъ камней, на поверхности земли; изъ подъ этихъ грудъ камня высывались скелеты то рукъ, то ногъ, то головъ. Въ юномъ воображеніи моемъ рисовались картины сраженій, происходившихъ на этихъ славныхъ поляхъ. Знамена развѣвались, кавалерія скакала въ атаки, пѣхота разрывала густыя колонны

Турокъ, гуль пушечныхъ выстрѣловъ, крики «алла» и Русское побѣдное «ура», оглашали пространство на далекое, далекое разстояніе. Эффектно! А тутъ же груды камня, между которыми видны скелеты!

Два мѣсяца стоянки батареи въ Александрополѣ прошли для меня не въ однихъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. По представленію командира батареи и по желанію моему быть произведеннымъ въ офицеры полевой артиллеріи, назначена была коммиссія изъ артиллерійскихъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ командира летучаго парка, капитана Хабалова, для предварительнаго мнѣ экзамена изъ артиллерійскихъ наукъ. По выдержаніи экзамена въ этихъ коммиссіяхъ, въ то время юнкера отсылались на казенный счетъ въ Петербургъ для окончательнаго экзамена въ ученое комитетѣ. Я уже сдалъ этой коммиссіи экзамены изъ военной исторіи, артиллеріи и полевой фортификаціи; оставалась математика, когда послѣдовало распоряженіе батареи выступить изъ Александрополя въ мѣстность Омерь-Ага, гдѣ былъ расположенъ летучій отрядъ генераль-лейтенанта Базина. «Ну, вотъ и отлично, Иванъ Ивановичъ», сказалъ мнѣ батарейный командиръ: «вы можете быть произведены офицеромъ въ артиллерію за отличіе въ дѣлахъ противъ Турокъ, чему въ продолженіе этой войны было нѣсколько примѣровъ, а потому совѣтую вамъ экзамена не продолжать. Къ чему вамъ одному сидѣть въ Александрополѣ?!»

2-го Сентября второй дивизіонъ нашей батареи выступилъ изъ Александрополя. Третьимъ взводомъ командовалъ подпоручикъ Михаилъ Ивановичъ Мамацевъ, а четвертымъ я, за болѣзнию поручика Соболева, нечаянно упавшаго въ пустую яму для обжиганія кирпичей и сломавшаго себѣ ребра.

Я забылъ сказать, что первый дивизіонъ нашей батареи, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Булычова и двухъ взводныхъ офицеровъ, подпоручика Алехина и прапорщика Кильдюшевскаго, изъ Манглиса командированъ былъ въ составъ Ахалцихскаго отряда.

5-го мы прибыли въ отрядъ генерала Базина. Отрядъ этотъ состоялъ изъ Грузинскаго резервнаго баталіона, двухъ баталіоновъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, Донскаго казачьяго полка и дивизіона легкой батареи 13-й артиллерійской бригады.

8-го ночью, отрядъ выступилъ неизвѣстно куда, т. е., по крайней мѣрѣ, никто изъ насъ не зналъ о цѣли выступленія. Мы шли форсированнымъ маршемъ и останавливались только для варки пищи въ глубокихъ ущельяхъ. Только на третій день, когда мы поднялись на

весьма высокую гору, и вдали обрисовались высоты, увѣнчанныя укрѣпленіями, мы узнали, что идемъ къ Карсу. 11-го, въ 12 час. дня, мы прибыли на позицію Меликѣй, гдѣ былъ расположенъ кавалерійскій отрядъ г.-маіора Бакланова, находившійся въ общей системѣ отрядовъ, блокировавшихъ Карсъ. Нашъ отрядъ и Бакланова, соединившись, составили силу довольно грозную, подъ начальствомъ Базина. Въ составѣ этого отряда находились 3 батальона пѣхоты, не менѣе 2400 штыковъ, Тверской драгунскій полкъ, два Донскихъ казачьихъ полка, одинъ сводный линейскій казачій полкъ, Донская легкая батарея и сводная легкая батарея. Не взирая на страшную усталость отъ труднаго горнаго похода и трехъ бессонныхъ ночей, мы, вооружившись подзорными трубками и биноклями, стали разсматривать укрѣпленія большого и малаго Карадаговъ, находившихся верстахъ въ семи отъ нашей позиціи, и такъ какъ склоны высотъ, на которыхъ расположены непріятельскія укрѣпленія, были обращены въ нашу сторону, то въ бинокли можно было отлично разсматривать профили укрѣпленій и Турецкіе лагери гарнизоновъ этихъ укрѣпленій.

Прибытіе нашего отряда видимо заинтересовало Турокъ, судя по бѣготѣ ихъ въ укрѣпленіяхъ брустверовъ. Но такъ какъ всему бываетъ конецъ, то и намъ надобно смотрѣть на Турокъ; да кстати уже были разбиты палатки, приготовлены постели и самовары, а потому, слегка закусивъ и напившись чаю, мы залегли спать.

Военныя силы, находившіяся съ распоряженіи главнокомандующаго Кавказской арміей въ 1855 году, состояли изъ полковъ дивизій: гренадерской 20-й, 21-й, 13-й, 18-й и 19-й бригады (пятибаталіоннаго состава каждый полкъ) или изъ 22-хъ полковъ, численностью въ 110 баталіоновъ; 16 баталіоновъ резервной дивизіи; 16 баталіоновъ, снятыхъ изъ укрѣпленій Черноморской береговой линіи; сапернаго и гренадарскаго стрѣлковаго баталіоновъ; Нижегородскаго и Тверскаго драгунскихъ полковъ; 20 полковъ Кавказскаго линейнаго войска и 10 Донскаго; 10 Черноморскихъ пѣшихъ пластунскихъ баталіоновъ; 6 бригадъ артиллеріи полевой, легкой и батарейной, слѣдов. 156 баталіоновъ пѣхоты, по 800 штыковъ въ каждомъ баталіонѣ; а всего въ общей сложности пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи было свыше 160.000 человекъ. Незначительная часть этихъ войскъ находилась въ распоряженіи Донскаго атамана Хомутова, остальные расположены были слѣдующимъ образомъ. Въ Черноморіи, на правомъ и лѣвомъ флангахъ и въ центрѣ Сѣвернаго Кавказа, находились небольшіе отряды и гарнизоны въ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ въ оборонительномъ порядкѣ, что впрочемъ не мѣшало дѣлать наступленія или набѣги въ

предѣлы горцевъ. Въ Закавказьѣ находились отряды на Лезгинской кордонной линіи и въ Дагестанѣ съ Востока. Западъ охранялся отрядами въ Мингреліи и Ахалцихѣ. На Югѣ подѣ Карсомъ расположенъ былъ дѣйствующій корпусъ численностью не свыше 30.000 человекъ, и наконецъ Эриванскій отрядъ. Тылъ дѣйствующаго орпу а обезпеченъ былъ сильною крѣпостью въ Александрополѣ.

Шамиль не предпринималъ ничего въ теченіе 1854 и 1855 годовъ, кромѣ мелкихъ, незначительныхъ набѣговъ, послѣ которыхъ горцы возвращались во свояси, крѣпко побитые и казаками, и отрядами нашими. Закавказскіе магомтаны Елисаветпольской, Бакинскій и Эриванской губерній были способны лишь къ мелкимъ кражамъ рогатаго скота и лошадей и частнымъ убійствамъ, и по вполнѣ мирнымъ наклонностямъ ихъ они не способны были къ значительному вооруженному возстанію. Въ виду всего вышеизложеннаго, главнокомандующій, во главѣ тридцатитысячнаго корпуса, сосредоточеннаго подѣ Карсомъ, занималъ положеніе грозное и вполнѣ обезпеченное. Между тѣмъ дѣйствія его были вялы, нерѣшительны и ограничивались или рекогносцировками передовыхъ укрѣпленій Карса, или поисками въ окрестностяхъ.

16-го Сентября въ 8 час. вечера, мы по обыкновенію собрались ужинать въ палаткѣ батареинаго командира. Помню какъ сейчасъ, подано было любимое наше блюдо, вареный картофель въ мундирахъ и сливочное масло къ нему. Разговоры, какъ и во всякой военной компаніи, были на темы преимущественно военные.

Но вотъ внезапно явился къ намъ въ палатку адъютантъ генерала Базина, передавшій командиру батареи приказаніе пожаловать къ начальнику отряда. Не придавая особеннаго значенія такому приглашенію, мы продолжали ужинать, а Баумгартенъ отправился къ генералу. Не прошло и получаса, какъ возвратившійся Алексѣй Егоровичъ объявилъ, что на утро въ 5 час. назначенъ штурмъ Карса и, по диспозиціи главнокомандующаго, нашему отряду предназначено штурмовать и взять укрѣпленіе Чахмахской высоты.

Ежели ѣдешь или идешь куда нибудь, то нужно знать путь къ намѣченной цѣли, и очевидно генералъ Баклановъ былъ хорошо знакомъ съ этимъ правиломъ; ибо онъ нѣсколько разъ по ночамъ, въ сопровожденіи Армянина-проводника, выбѣжавшаго изъ Карса, подползалъ къ укрѣпленіямъ на Чахмахской, Шорахской и Карадагскихъ высотахъ, и расположеніе укрѣпленій этихъ и подходовъ къ нимъ

ему извѣстны такъ же хорошо, какъ углы его палатки. Хорошо было бы поступать такъ и другимъ, чтобы не бить лбомъ въ стѣны.

Выступленіе отряда съ позиціи Меликѣй назначено было въ 11 час. ночи. Отрядъ началъ готовиться къ предстоящему смертному бою. Солдатики умывались, надѣвали чистое бѣлье и портянки. Приказанія всѣ передавались шопотомъ; фельдфебеля дѣлали переключку и расчеты ротамъ. Передавъ распоряженіе командира батареи моему взводу, т. е. приказавъ амуничить лошадей, осмотрѣвъ зарядные ящики и передки и прослѣдивъ за исполненіемъ этого приказанія, я пошелъ бродить по лагерю. Оставался еще часъ до выступленія. Отправители военного ремесла несомнѣнно должны свыкнуться съ мыслью о смерти; но, какъ хотите, умирать, да еще въ оснадцать лѣтъ, не хочется. Какъ бы ни была тяжела жизнь, но, готовясь быть убитымъ, находишь ее прекрасною. Такія, или въ родѣ этихъ мысли, рѣзко обозначались на лицахъ и солдатъ, и офицеровъ. Офицеры вели рѣчь обычную, стараясь скрыть, что происходило у каждаго въ душѣ; солдаты же были проще, и душевная тревога каждаго изъ нихъ успокоивалась молитвами, которыя они шептали про себя. Я зашелъ въ палатку батарейнаго командира и засталъ его надѣвающимъ чистое бѣлье. Въ палаткѣ же, вытянувшись въ струнку, стоялъ батареинный фельдфебель, рябой усачъ, Ерохинъ, внимательно выслушивавшій послѣднія распоряженія батарейнаго командира. «А вы надѣли чистое бѣлье?»—«Я, Алексѣй Егоровичъ, какъ бы предчувствуя штурмъ, только сегодня мѣнялъ бѣлье».—«Ну, то-то! Штурмъ великое дѣло, и къ нему надо приготовляться такъ же, какъ и къ причастію». Слова батарейнаго командира въ виду того душевнаго состоянія, въ которомъ я находился, подѣйствовали на меня крайне непріятно. Зачѣмъ готовиться къ смерти и говорить о ней, когда и безъ того каждый занятъ мыслью о томъ, убьютъ или искалечатъ его завтра? Я вышелъ вонъ изъ палатки и пошелъ къ себѣ. Здѣсь я засталъ сцену совершенно противоположную. Сожитель мой, подпоручикъ Мамацевъ занятъ былъ учетомъ колотаго сахара, который онъ всыпалъ въ жестянку, рекомендуя вѣстовому своему Мальчевскому, плуту и лакомкѣ, не заглядывать въ эту жестянку, во избѣжаніе немедленной расправы. Сцена эта какъ будто успокоила меня, а затѣмъ раздавшійся вблизи палатки возгласъ командира Грузинскаго резервнаго баталіона, полковника Травина, во все горло произнесшаго, должно быть, адъютанту: «Передайте ротнымъ командирамъ *по секрету*, что отрядъ выступастъ въ 11 час. ночи на штурмъ Карса», окончательно развеселилъ меня.

Въ 11 часовъ отрядъ былъ готовъ, построился и, имѣя кава впереди, выступилъ съ позиціи. Намъ надобно было обойти большой и малый Карадаги съ правой стороны и, вступивъ въ лоцину между Шорахскими и Чахмахскими высотами, подняться на послѣднюю изъ нихъ и взять укрѣпленія Чахмаха. Увѣренность, что Карсъ будетъ взятъ, была такъ сильна, что мы, на примѣръ, взявъ необходимое для солдатъ и для себя на обѣдъ, не забыли захватить съ собою спирта для солдатъ и шампанскаго для офицеровъ. Ночь была свѣтлая, морозная, хотя и не было снѣга. Какъ извѣстно, Армянская плоская возвышенность составляетъ самую большую выпуклость на земномъ шарѣ, а потому холода наступаютъ тамъ раѣе, чѣмъ на какой либо изъ плоскостей. Сохраняя возможную тишину при движеніи такой массы коней и людей, да вдобавокъ еще и 16-ти орудій, которыя, наткнувшись на камень по дорогѣ, пѣтъ, нѣтъ да и звякнутъ или гроыхнутъ, мы спустились въ глубокой оврагъ, чтобы ожидать условеннаго сигнала изъ главнаго отряда для одновременнаго наступленія колоннъ на штурмъ. Условленнымъ сигналомъ должны были быть три ракеты. Въ оврагѣ этомъ мы стояли часа два. Не трудно предположить, о чемъ думалъ каждый изъ насъ въ продолженіе этой двухчасовой стоянки.

По рядамъ пѣхоты, поднявшейся на ноги, пробѣжалъ шопоть. Это вызывали охотниковъ. Время тянулось томительно долго. Когда же, наконецъ, покажутся эти сигнальныя ракеты, какъ знавъ смертнаго приговора, подписаннаго для многихъ и многихъ этими огненными линіями? Когда, наконецъ, покажется оно, это таинственное и страшное оно, которое безжалостно уничтожитъ въ миѣ то, что есть во миѣ человеческого, и оставитъ лишь нѣчто гадкое, гадное въ пищу шакаламъ, червямъ, да вдронамъ?

Взоры всѣхъ невольно устремлялись къ небу; и вотъ, наконецъ, взвилась первая ракета. Войска встали. Затѣмъ вторая и, наконецъ, третья, послѣ которой по командѣ, произнесенной вполголоса: «Съ Богомъ! Маршъ!» мы начали подниматься изъ оврага. Еще было темно, когда отрядъ нашъ втонулся въ лоцину между Чахмахомъ и Шорахомъ. Тишина была изумительная. Но вотъ на гребнѣ Шорахской высоты, который обрисовывался справа, блеснула молнія, и затѣмъ раздался гулъ пушечнаго выстрѣла. Къ нему вскорѣ присоединились другіе выстрѣлы, и вершина горы какъ бы загорѣлась сплошными огнями направо и налево отъ центрального выстрѣла.

Мы въ это время подошли только къ подъему на Чахмахъ. Судя по огню, несвоевременно открытому на Шорахѣ, можно было ска-

зал, что штурмъ будетъ неудаченъ; ибо наступленіе колонны Ковалевскаго произведено было ранѣе штурма Чахмахскихъ высотъ, куда отрядъ нашъ долженъ быть отвлечь силы Турокъ, сосредоточенныя на Шорахъ.

Круто повернувъ правымъ плечомъ и высавъ впередъ охотниковъ, отрядъ нашъ началъ подниматься на гору. Подъемъ былъ длинный, крутой и каменистый, ибо шли мы не по дорогѣ. Едва началъ брезжиться свѣтъ, какъ мы поднялись на площадъ Чахмахской высоты. Отрядъ шелъ въ слѣдующимъ порядкѣ: впереди была цѣпь изъ охотниковъ; сзади охотниковъ, въ близкомъ разстояніи отъ нихъ, шла пѣхота въ баталіонныхъ колоннахъ; сзади пѣхоты, въ близкомъ же разстояніи, развернувъ фронтъ, шла наша сводная батарея, подъ командой Баумгартена; сзади нашей батареи двигалась кавалерія съ конной батареей саженьхъ въ 500 отъ насъ. Разсвѣло. Впереди видны длинныя очертанія цѣпныхъ укрѣпленій, одѣвавшихъ высоту. Видны даже часовые, прохаживающіеся взадъ и впередъ за брустверами. Свѣтло уже совсѣмъ. Отрядъ нашъ долженъ быть виденъ, какъ на ладони; но Турки все молчатъ. Остается не болѣе ста саженьей.

Но вотъ, наконецъ, грянулъ залпъ Турецкихъ орудій, осыпавшихъ насъ картечью. Охотники, а вслѣдъ за ними и пѣхота, крикнувъ «ура», бросились бѣгомъ на флангъ укрѣпленія. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ пѣхота, ворвавшаяся въ укрѣпленіе, скрылась отъ насъ. Вотъ мчится адъютантъ начальника отряда и, подскакавъ къ батареечному командиру, требуетъ какъ можно скорѣе батарею впередъ. «Прислуга, на орудіе садись! Справа въ одно орудіе! Ящики за орудіа! Въ каррьеръ! Маршъ, маршъ!» И не прошло мгновенія, какъ мы влетѣли въ ворота укрѣпленія. Намъ открылась такая картина: съ лѣвой стороны у насъ оказался большой Турецкій лагерь; впереди бѣжала толпа Турокъ, одѣтыхъ, полуодѣтыхъ и въ одномъ бѣльѣ. Орудія наши были заряжены картечью.

Развернувъ фронтъ батареи на всемъ скаку, мы снялись съ передковъ и сбѣжали залпъ изъ восьми орудій въ спины бѣгущимъ Туркамъ. Толпа ошалѣвшихъ Турокъ, не оборачиваясь назадъ, продолжала бѣжать, оставляя за собою груды человѣческихъ тѣлъ. Пока мы снова зарядили орудія, Турки успѣли отбѣжать шаговъ двѣсти. Съ посаженною прислугою на орудіяхъ мы поскакали догонять ихъ. Тѣла раненыхъ и убитыхъ Турокъ мѣшали лошадямъ; но и онѣ, какъ видно проникнутыя общимъ одушевленіемъ, скакали, не разбирая, по чемъ онѣ скачутъ, по землѣ или по человѣческимъ тѣламъ. И я по-

мню, что колесомъ одного изъ моихъ орудій раздавило грудь и лодому человѣку въ офицерскомъ сертукѣ, блондину лѣтъ 25 не болѣе, должно быть Англичанину. Онъ лежалъ навзничъ, и не забыть мнѣ того умоляющаго взирающаго вѣзора который онъ бросилъ на меня. Но не время было предаваться чувствительности. Догнавъ Турокъ, мы сдѣлали опять залпъ картечью, и снова тѣже груды тѣлъ. Картина боя была весьма оживленная. Пѣхота наша кричить ура! адъютанты и ор инарцы со знаменами, отбитыми у Турокъ, мчатся мимо насъ къ резервамъ, чтобы передать эти славные трофеи на сохраненіе.

Далѣе преслѣдовать Турокъ, скрывшихся навѣво въ отвѣспный оврагъ, мы не могли и потому остановились на позиціи противъ редута Вели-паша-Табія, находившагося отъ насъ саженьяхъ въ 400 за довольно отлогой балкой. Редутъ этотъ, бастионной формы, имѣлъ профиль долговременнаго укрѣпленія. Въ нашу сторону изъ глубокихъ его амбразуръ глядѣли крѣпостныя орудія. Охотники наши были уже подъ стѣнами этого редута, когда послѣдовало распоряженіе начальника отряда вернуться назадъ. И до сихъ поръ я не умѣю объяснить себѣ, почему Турки изъ Вели-паша-Табія не преслѣдовали огнемъ нашихъ охотниковъ. Батарей, какъ я уже и говорилъ, остановилась на позиціи. Зарядивъ орудія ядрами и картечными гранатами, мы ожидали артиллерійскаго боя. Пѣхоту всю заложили во рвахъ. Утро было дивное. Небо ярко-синее, какъ бирюза. Вѣтеръ не шелохнулъ. Вправо, верстахъ въ пяти отъ насъ, гремѣла страшная канонада на Шорахъ. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ перемежался трескотнею пѣхотнаго огня. Было уже 7 часовъ утра. Штурмъ въ главномъ пунктѣ очевидно не удался. Атака 3 часа времени въ одномъ пунктѣ длится лишь тогда, если обороняющійся сильнѣе наступающаго. О томъ, что было на Шорахъ я скажу далѣе, а теперь обращаюсь къ нашему отряду. Батарей стоитъ на позиціи. Орудія наведены въ амбразуры редута Вели-паша-Табія. Паша молчитъ. «Что-же, господа, кому-нибудь первому надо начинать! Сдѣлаемъ салютъ Туркамъ. Пальба орудіями по огню! Первое! Пли!» Раздались очередные выстрѣлы; офицеры съ биноклями отскочили въ сторону, чтобы наблюдать за результатами пальбы. Прицѣлъ взятъ былъ чрезвычайно удачно, ибо вслѣдъ за выстрѣлами раздался громовой ударъ въ Турецкомъ редутѣ; и видно было, какъ взлетѣли на воздухъ какіе-то предметы, должно быть, отъ взорваннаго ящика или отъ пороховаго погребка. Съ этого мгновенія начался артиллерійскій бой.

Сначала непріятельскія ядра и бомбы перслетали черезъ насъ; но затѣмъ Турки пристрѣлялись и начали преусердно вырывать изъ строя

орудійную прислугу. Положеніе артиллеристовъ во время боя на позиціи крайне неприятное. Стоишь и изображаешь изъ себя живую мишень. Все одушевленіе исчезаетъ. Стоишь или ходишь по батарее, ежеминутно ожидая участи сосѣдей-солдатъ, падающихъ то съ оторванной головой, то съ оторванной ногой или рукой, или съ вырваннымъ животомъ, какъ, на примѣръ, у орудійнаго фейерверкера Сапова, у котораго ядромъ въ то время, когда я съ нимъ разговаривалъ, вырвало животъ, и содержимымъ желудка и кишекъ обдало меня съ головы до ногъ. Мнѣ въ первый разъ пришлось умываться и обмываться не водой, а пескомъ. Бой артиллерійскій продолжался съ семи часовъ утра до часа дня, до тѣхъ поръ, пока адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Клавдій Алексѣевичъ Ермоловъ, не прибылъ съ приказаніемъ главнокомандующаго отступить. Въ батарею осталось по одному номеру прислуги на каждое орудіе, по двѣ орудійныхъ лошади и по одной лошади на ящикъ, такъ что когда приказано было надѣвать орудія на передки, то уцѣлѣвшая прислуга перебѣгала отъ орудія къ орудію, чтобы поднимать ихъ.

Отступленіе наше совершенно было и въ порядкѣ, и съ трофеями: мы вывезли изъ Чахмахскихъ укрѣпленій 13 полевыхъ орудій на лошадяхъ, присланныхъ изъ кавалеріи Бакланова, и пять Турецкихъ баталіонныхъ знаменъ.

По диспозиціи для штурма Карса назначено было четыре колонны. Главная и самая сильная, подъ начальствомъ г. лейтенанта Ковалевскаго, должна была штурмовать Шорахъ; другая, слабая, подъ начальствомъ г. лейтенанта Базина, предназначалась на Чахмакъ. Двѣ слабыхъ колонны назначены были для демонстрацій противъ Карадаговъ и Турецкаго лагеря. Колоннами этими командовали генералы графъ Ниродъ и Майдель.

Изъ всѣхъ военныхъ наступленій можно признать несомнѣнную пользу обходныхъ колоннъ; что же касается демонстративныхъ, то еще Суворовъ сказалъ, что демонстрація забава для дѣтей и Австрійскихъ генераловъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти *chassé en avant et en arrière* слабыхъ демонстрирующихъ колоннъ обмануть никого не могутъ; между тѣмъ колонны эти, присоединенныя, ну на примѣръ вотъ хоть на штурмъ Карса, къ колоннѣ Базина, составляли бы силу грозную съ значеніемъ рѣшающимъ участь боя. Но въ ту эпоху различныхъ диверсій, маршей и контрмаршей ошибка вытекала изъ всей системы военнаго образованія.

Къ 10 часамъ утра бой на Шорахъ, постепенно стихая, совсѣмъ прекратился. Одинъ изъ участниковъ штурма Шорахскихъ высотъ 17-го Сентября, маіоръ Невтоновъ, бывшій въ то время юнкеромъ Грузинскаго гренадерскаго полка, рассказывалъ мнѣ слѣдующее. «Отрядъ нашъ подъ начальствомъ г.-лейтенанта Ковалевскаго выступилъ изъ лагеря ночью. Шорахъ недалеко отъ мѣста расположенія главныхъ силъ блокаднаго корпуса. Ночь была свѣтлая, а потому вполне скрытное движеніе колонны нашей можно было произвести не прямо, а балками и оврагами. Колонновожатый сбился съ дороги, и мы начали плутать направо и налево, сами не зная, куда идемъ. Баталіоны Кавказскихъ полковъ, знакомые съ ночными движеніями, сохраняли должную тишину; что же касается баталіоновъ 13-й и 18-й дивизій, то въ нихъ и болтали, и курили, и даже одинъ солдатъ по неосторожности выстрѣлилъ. Мы, Кавказцы, хорошо понимали, что вся эта сумятица къ добру не приведетъ. Наконецъ, послѣ долгихъ блужданій, мы поднялись на гору, и къ крайнему нашему неудовольствію, вмѣсто какого-либо изъ фланговъ укрѣпленій, мы попали на пунктъ самого сильнаго обстрѣла центральныхъ батарей. Было еще темно, когда Турки, уже замѣтившіе наше наступленіе, открыли по насъ сильнѣйшій огонь. Мы наступали тремя линіями съ очень большими промежутками между ними. Не взирая на страшный артиллерійскій огонь, первая линія, осыпаясь градомъ ядеръ, картечныхъ гранатъ, а затѣмъ и картечью, смѣло двигалась впередъ. Охотники, а затѣмъ и баталіоны первой линіи, значительно убавленные въ составѣ своемъ, все-таки ворвались въ укрѣпленія. Внутри укрѣпленій бой начался самый ожесточенный, и на каждаго изъ нашихъ солдатъ приходилось не менѣе трехъ-четырехъ Турокъ. Разбросавшись командами въ 10, 20 и 30 человѣкъ, мы прижались къ внутренней сторонѣ бруствера и отбивались штыками отъ сильно насѣдавшихъ на насъ Турокъ, къ которымъ ежеминутно прибывали свѣжія силы; а нашихъ резервовъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Патроны мы все израсходовали. Приказывалъ намъ инстинктъ самосохраненія, ибо начальство было все перебито. Генералъ Ковалевскій въ самомъ началѣ штурма былъ смертельно раненъ. Фланги укрѣпленій находились въ рукахъ Турокъ, а потому подходившіе резервы встрѣчались страшнымъ орудійнымъ огнемъ. По странному стеченію обстоятельствъ или, если хотите, распорядженію, резервы подходили къ намъ по-баталіонно, съ значительными промежутками времени. Пока баталіонъ успѣвалъ ворваться въ центръ къ намъ, онъ терялъ одну треть людей на маршѣ и вступалъ въ дѣло въ сильно уменьшенномъ составѣ людей. Не взирая на малочисленность резервовъ, при всякомъ появленіи ихъ, Турки пятились назадъ. Мы дрались, ругали Муравьева; но

мужество наше не падало, и ежели бы намъ прислали резервъ сразу баталіоновъ въ 6 или 7, то нѣтъ сомнѣнія, Турки были бы смяты. Много было подвиговъ единичной храбрости и нижнихъ чиновъ, и офицеровъ; но что же значили эти подвиги для несомнѣнно проиграннаго сраженія? Такимъ образомъ, въ сущности, взявъ укрѣпленія Шорахскихъ высотъ, мы не только не смяли Турокъ, но и не въ состояніи были удержать за собою, не потому, чтобы въ колоннѣ было мало войскъ, а потому, что въ каждую данную минуту мы чуть не цѣлой Турецкой арміи противопоставляли лишь одинъ баталіонъ. «Что же это Муравьевъ! На убой что ли посылаетъ насъ?» громко кричали солдаты. «Эдакъ вѣдь и онъ самъ, пожалуй, попадетъ къ Туркамъ на шашлыкъ! Срамота, братцы, да и только».

Бойня эта, по непонятнымъ соображеніямъ главнокомандующаго, длилась съ 5 и до 10 час. утра. Внутренность укрѣпленій и паружная площадь были сплошь покрыты тѣлами нашихъ раненыхъ и убитыхъ, солдатъ и офицеровъ. Въ 10 час. приказано отступать. Спрашивается, для чего же мы наступали, да еще въ такомъ странномъ порядкѣ! Такова суть дѣла, и приписать его лишь одной смѣтливости и талантамъ генерала Виліамса, руководившаго дѣйствіями Турецкихъ войскъ, при оборонѣ Карса, было бы крайне несправедливо. Вина этого несчастнаго штурма всецѣло падаетъ на Муравьева.

Въ описаніи штурма Чахмахскихъ высотъ, я остановился на приказаніи отступать нашему отряду, переданному намъ капитаномъ Ермоловымъ.

Проклятій на долю Муравьева и у насъ посыпалось немало; но приказано отступать, слѣдовательно и будемъ отступать. Батарея стояла еще на позиціи, когда изъ-за редута Вели-паша-Табія начали показываться стройныя колонны Турецкихъ баталіоновъ. Передъ головнымъ баталіономъ, на сѣромъ красивомъ конѣ, гарцовалъ или командиръ полка или баталіонный командиръ, въ сопровожденіи штаба. Баталіонъ разсыпалъ стрѣлковъ въ цѣпь, и Турки начали наступленіе. Баталіоны наши, до сихъ поръ скрытые отъ артиллерійскаго огня во рвахъ, поднялись и выстроились навстрѣчу Туркамъ. Подпустивъ Турокъ на довольно близкое разстояніе, наши пошли противъ нихъ. Была тутъ и стрѣльба, и хорошій рукопашный бой; но отступать все-таки надо было. Батарея паша, за неимѣніемъ ни одного снаряда ни въ ящикахъ, ни въ передкахъ (ибо подъ конецъ мы стрѣляли даже свѣтящими ядрами), отступила ранѣе пѣхоты. Грустно было отступить побѣжденными, имѣя въ рукахъ пять непріятельскихъ знаменъ и 13 непріятельскихъ орудій; но все-таки же отступили.

Сзади насъ раздавалась трескотня ружейнаго огня. Это было отступление нашей пѣхоты и, сколько мнѣ извѣстно, не взирая на огромныя массы Турецкихъ баталіоновъ, отступление это совершалось въ такомъ же строгомъ порядкѣ, какъ на ученьи. Батарея вышла изъ огня; но впечатлѣніе шестичасоваго упорнаго артиллерійскаго боя было такъ сильно, что не вѣрилось прекращенію его и тому, что мы остались цѣлы и невредимы въ этой бесполезной бойнѣ. Но удовольствіе, которое, по крайней мѣрѣ, я испытывалъ, выйдя изъ сферы огня, продолжалась недолго. Въ третьемъ взводѣ Мамацева не оказалось запаснаго лафета, а потому меня, какъ младшаго, въ сопровожденіи сотни казаковъ, послали отыскивать таковой. Пришлось снова попасть подъ непріятельскіе выстрѣлы. Пѣхота отступила уже. Отступала кавалерія, и что меня очень удивило, изъ четырехъ полковъ кавалеріи шелъ лишь одинъ казачій полкъ, лѣниво перестрѣливаясь съ увязавшимся за нимъ Турецкимъ баталіономъ; но вскорѣ въ довольно глубокой балкѣ, мимо которой происходило отступление казаковъ, я увидѣлъ скрытую массу кавалеріи, очевидно поставленной въ засаду. Я съ сотнею былъ въ полуверстѣ разстоянія отъ дѣйствующихъ лицъ. Турецкій баталіонъ, продолжая чрезвычайно настойчиво преслѣдовать казаковъ, миновалъ мѣсто засады. Въ это мгновеніе полкъ за полкомъ вылетѣли изъ засады въ тылъ Туркамъ, и отъ баталіона не осталось буквально ни одного человѣка. Оставивъ Туркамъ, сидѣвшимъ въ крѣпости, лишь воспоминаніе объ изрубленномъ баталіонѣ, Баклановъ началъ быстро отступать, изрѣдка сопровождаемый безвредными выстрѣлами одного орудія, не заклепаннаго нами. Вскорѣ кавалерія, спустившись съ высоты, скрылась, и я съ моею сотнею остался одинъ, продолжая разыскивать лафетъ, который, наконецъ, къ общему удовольствію, показался вдали. Поскакавъ по направленію къ нему и обругавъ ѣздовыхъ за то, что они отбились отъ батареи, я направился къ спуску, до котораго мнѣ версты три разстоянія пришлось ѣхать шагомъ, ибо на лафетѣ сидѣло два пѣхотныхъ солдата, тяжело раненыхъ. Такимъ образомъ я смѣло могу сказать, что послѣ штурма Чахмахскихъ высотъ я отступилъ послѣднимъ.

Баклановъ съ кавалеріей отдыхалъ у подножія горы. Замѣтивъ мое наступленіе, Баклановъ выслалъ двѣ сотни казаковъ, и я видѣлъ, какъ казаки на скаку вынимали винтовки изъ чехловъ. «О, чортъ возьми! Не убили Турки, такъ укокошатъ свои же. Трубачъ, труби! Вышлиге флакверовъ навстрѣчу!» Сотенный командиръ хорунжій (не помню его фамиліи) поскакалъ навстрѣчу.

Дѣло объяснилось, и я благополучно присоединился къ кавалеріи. Доложивъ генералу о причинѣ моего поздняго отступленія, я было хотѣлъ продолжать путь мой; но Баклаиовъ пригласилъ меня отдохнуть и закусить у него, чѣмъ Богъ послалъ.

Мы прибыли на позицію Меликѣй часамъ къ 5 пополудни.

Послѣдствія этого штурма были весьма печальны. Потеря наша простиралась до 8 тысячъ раненыхъ и убитыхъ, что составляло болѣе, чѣмъ четвертую часть блокаднаго корпуса. Вслѣдствіе большой убыли офицеровъ, баталіонами и ротами, разбитыми и потерявшими болѣе половины людей, командовали оберъ-офицеры, юнкера и фельдфебели. Транспорты съ ранеными ежедневно отправлялись въ Александрополь, жители котораго, за недостаткомъ мѣстъ въ госпиталь, поневолѣ должны были уступить для помѣщенія раненыхъ свои дома. Ропотъ гражданъ былъ невообразимый. У Армянъ носы вытянулись до самой земли.

Муравьевъ упалъ духомъ. Войска ругали его нещадно. Впрочемъ блокада продолжалась. Сомнѣніе Муравьева въ томъ, что Закавказье останется въ нашихъ рукахъ, было такъ сильно, что послано было въ Тифлисъ секретное распоряженіе всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ быть готовымъ къ переѣзду за Кавказскій хребетъ, о чемъ, вспоминая эту печальную кампанію 1855 года, мнѣ говорилъ свиты его величества генералъ князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе. Главнокомандующій очень боялся арміи Омера-паши; но въ сущности бояться Омера-паши до того, чтобы сжечь продовольственный магазинъ на Ингурѣ и отступить въ Кутаисъ, отряду князя Баграціона-Мухранскаго не было надобности: ибо Омеръ-паша, потерявъ много людей отъ лихорадокъ и въ сраженіяхъ съ отрядомъ князя Мухранскаго, въ довершеніе всего завязъ въ Мингрельскихъ болотахъ, а потому и двигаться на Тифлисъ не могъ.

Съ позиціи Меликѣй отрядъ нашъ отправился на прежнюю свою позицію Омеръ-Ага, прибывъ на которую, мы занялись постройкою землянокъ и барачковъ на зиму. Препровожденіе времени нашего было прескучное: днемъ офицеры ѣздили охотиться на чернобурыхъ лисицъ, зайцевъ, дикихъ козъ и горныхъ курочекъ. Вечеромъ пулька въ преферансъ и неизбѣжная рюмка водки подъ припѣвъ: «Бѣхалъ чижикъ въ лодочкѣ въ адмиральскомъ чинѣ». Многіе напрактиковались до того, что пили и по десятой, подъ припѣвъ: «ѣдетъ адмиральша въ яликѣ и пальчикомъ киваетъ плавно:

Не выпить ли намъ по десятой?
Славно!»

Прибывшій изъ Ахалциха подпоручикъ нашей батареи Кильдюшевскій, однажды ночью, сильно подкутивъ, возымѣлъ намѣреніе провѣрять ночную цѣпь. Солдатамъ почему-то показалось, что это флигель-адъютантъ. По цѣпи, окружающей нашъ отрядъ, быстро пронеслось извѣстіе, что флигель-адъютантъ ревизуетъ отрядъ. Наскучивъ переходить отъ звѣна къ звѣну въ цѣпи, Кильдюшевскій свернулъ въ середину лагеря и попалъ къ коновязямъ Донскаго казачьяго полка. Худыя лошадки съ голодухи объѣдали другъ у друга гривы и хвосты. Флигель адъютантъ, который, кетати сказать, былъ въ мѣховомъ халатѣ и въ артиллерійской офицерской фуражкѣ, не могъ перенести такого зрѣлища. «Послать ко мнѣ полкового командира! Я ему покажу, гдѣ раки зимуютъ!» Явился полковой командиръ. «Что это вы, милостивый государь! Лошадокъ-то кормите хвостами и гривами? Хороша будетъ атака на такихъ сеledкахъ! Я васъ подъ судъ отдамъ, милостивый государь! Завтра явиться ко мнѣ!» Съ этимъ словомъ Кильдюшевскій повернулся и ушелъ къ себѣ въ палатку.

На слѣдующее утро, часовъ въ семь, я услышалъ въ сосѣдней палаткѣ командира первой роты Грузинскаго резервнаго баталіона, капитана Магнуса, слѣдующій разговоръ. «Что это вы, полковникъ, въ парадной формѣ?»—«Ночью со мною бѣда случилась. Ко мнѣ на коновязь пришелъ флигель-адъютантъ, нашумѣлъ, накричалъ, обѣщавъ предать меня суду и приказавъ явиться къ нему сегодня утромъ; одно мнѣ странно показалось, что онъ былъ въ халатѣ и, кажется, пьянъ. Магнусъ, знавшій уже о ночныхъ походахъ Кильдюшевскаго, объявилъ полковнику, что никакого флигель-адъютанта въ отрядѣ нѣтъ, а передрыгу эту произвелъ не въ мѣру кутнувшій подпоручикъ Кильдюшевскій. Возбѣшенный полковникъ пошелъ съ жалобой къ генералу Базину. Базинъ лично отправился на коновязь Донскаго полка и, убѣдившись въ томъ, что лошадки-то дѣйствительно худы, посоветовалъ полковнику покормить ихъ, а жалобу на Кильдюшевскаго прекратить. Вернувшись со смотра, генералъ потребовалъ къ себѣ Кильдюшевскаго и сдѣлалъ ему отеческое внушеніе и предостереженіе не принимать на себя непринадлежащія званія. «Да я, ваше превосходительство, и не думалъ величать себя флигель-адъютантомъ; я просто разругалъ его за дурное содержаніе лошадей».

Тоска и уныніе до того овладѣли всеми, что одинъ изъ ротныхъ командировъ Грузинскаго баталіона допился до погребенія заживо. Однажды ночью весь отрядъ пробужденъ былъ необычайнымъ зрѣлищемъ. По серединѣ лагеря, мимо барака начальника отряда, шла процессія солдатъ и юнкеровъ въ шинеляхъ, свернутыхъ на подобіе свя-

щенническихъ ризъ съ факелами и бутылками въ рукахъ. За процессіей этой несли гробъ, въ которомъ лежалъ поручикъ Аристовъ. Процессія замыкалась хоромъ пѣсенниковъ въ вывороченныхъ полушубкахъ, распѣвавшихъ самыя шутовскія пѣсни. Шестіе отъ времени до времени останавливалось, Аристовъ приподнимался, выпивалъ нѣсколько глотковъ водки и снова ложился. Разумѣется, дежурный по отряду немедленно разогналъ всю эту процессію; а на другой день начальникъ отряда, онъ же и начальникъ резервной дивизіи, отрѣшилъ Аристова отъ командованія ротой.

Въ концѣ Сентября, по повелѣнію главнокомандующаго, юнкера нашего отряда, представленные въ офицеры, потребованы были въ главный отрядъ на экзаменъ къ его высокопревосходительству. Послѣ пятидневнаго путешествія юнкера, а въ томъ числѣ и я, прибыли ночью въ станъ Владикарсъ. На слѣдующій день въ 5 час. утра я явился къ командиру гренадерской артиллерійской бригады, полковнику Десажа, и такъ какъ онъ спалъ еще, то пакеты, бывшіе у меня отъ батарейнаго командира, я передалъ въ бригадномъ штабѣ старшему писарю подъ росписку и отправился къ ставкѣ главнокомандующаго, куда уже собрались спутники мои юнкера.

Мѣстность, на которой расположена была ставка главнокомандующаго, изображала изъ себя квадратъ, двѣ стороны котораго заняты были бараками главнокомандующаго, а двѣ другія—бараками корпуснаго командира. Мы ходили изъ угла въ уголь въ этомъ квадратѣ, не зная, гдѣ намъ пріютиться и къ кому явиться съ заявленіемъ о нашемъ прибытіи. Было холодно, а потому, чтобы хоть немного погрѣться, мы наудачу вошли въ одинъ изъ бараконъ. Это была кухня главнокомандующаго. Поваръ оказался весьма любезный джентельменъ въ бѣломъ передникѣ и колпакѣ и на просьбу нашу, дозволить обогрѣться, изъявилъ милостивое согласіе. Кухня была большая, просторная, а потому мы не мѣшали его артистическимъ занятіямъ. Покуривая папиросы и болтая о всякомъ вздорѣ, мы пробыли на кухнѣ часовъ до 9. Въ 9 часовъ на кухню вошелъ адъютантъ, громко называя мою фамилію. «Я! Чтѣ прикажете?»—«Я васъ ищу по всему отряду. Идите поскорѣе къ начальнику артиллеріи!» Выбѣжавъ изъ кухни, я увидѣлъ начальника артиллеріи (онъ же и корпусный командиръ) генераль-лейтенанта Бриммера, прохаживающагося около своего барака. Подойдя къ нему и проговоривъ обычную фразу являющихся, я съ любопытствомъ ожидалъ того, зачѣмъ я ему понадобился. «Вы представлены въ офицеры полевой артиллеріи?»—«Точно такъ, ваше пре-

восходительство». — «Вы уже сдали часть экзаменовъ въ Александрополь?» — «Да, ваше пр-ство». — «Васъ сюда потребовали на экзамень; но вамъ этого экзамена держать не нужно». — «Слушаю, ваше пр-ство.» Генераль повернулся и ушелъ къ себѣ въ баракъ, а я присоединился къ группѣ юнкеровъ, вышедшихъ изъ кухни.

Вскорѣ изъ барака главнокомандующаго вышелъ адъютантъ, который приказалъ намъ построиться въ шеренгу, сдѣлать перекличку по списку и, подведя къ бараку главнокомандующаго и выровнявъ насъ, сталъ на правомъ флангѣ. Минуть черезъ 10 вышелъ изъ барака и самъ главнокомандующій, плотный и довольно высокаго роста мужчина, сутуловый и съ нахмуренными бровями. Покуривая сигару, онъ обошелъ флангъ и затѣмъ, возвратившись въ баракъ, приказалъ вести насъ въ штабную столовую, куда насъ и повелъ тотъ же адъютантъ. Придя въ столовую, поручикъ Корсаковъ усадилъ насъ по шести человекъ по обѣимъ сторонамъ обѣденнаго стола и приступилъ къ экзамену. Экзамень того времени для производства въ офицеры ограничивался программой уѣзднаго училища. Я сидѣлъ рядомъ съ поручикомъ Корсаковымъ. Помня приказаніе начальника артиллеріи, я доложилъ поручику, что мнѣ экзамена не полагается и что мнѣ объ этомъ приказалъ доложить экзаменатору начальникъ артиллеріи. «А я васъ все-таки буду экзаменовать.» Экзамень начался. Въ половинѣ экзамена въ баракъ вошелъ генераль Бриммеръ. «А гдѣ здѣсь юнкеръ Дроздовъ?» — «Здѣсь!» отвѣчалъ я. «Ему не слѣдуетъ экзаменоваться», сказалъ Бриммеръ, обращаясь къ поручику Корсакову. — «Я исполняю волю главнокомандующаго». — «А, ну, это другое дѣло». И произнесъ эти слова, генераль вышелъ вонъ изъ барака. Какъ ни обидно было самолюбію моему экзаменоваться у офицера, познанія котораго были ежели не меньше, то во всякомъ случаѣ не больше моихъ, но я отвѣчалъ ему на его вопросы о главныхъ рѣкахъ и городахъ Россіи и писалъ подъ диктовку стихотвореніе «Воздушный корабль.» Наконецъ экзамень окончился, и юнкеровъ по очереди стали требовать въ баракъ главнокомандующаго. А, вотъ, наконецъ, онъ, тотъ настоящій экзамень, который Муравьевъ лично производилъ. Только къ 7 час. вечера очередь дошла до меня. Я пошелъ къ бараку главнокомандующаго. У дверей барака на открытомъ воздухѣ стоялъ дежурный штабъ-офицеръ, полковникъ Корсаковъ въ курткѣ и башлыкѣ. Ah, bonjours! Le général vous attend! Entrez! Я поклонился полковнику и вошелъ въ переднюю, узенькую комнату съ дверью направо. Отворивъ дверь, я вошелъ въ баракъ. Квадратная комната, аршинъ 10 въ длину и столько же въ ширину и аршина 4 высоты, была обтянута гвардейскимъ палаточ-

нымъ холстомъ съ широкими красными полосами по бѣлому полю. Направо отъ входа было два небольшихъ окна. Вдоль двухъ стѣнъ стояло двѣ желѣзныхъ кровати, накрытыхъ байковыми одѣялами. Посреди комнаты стоялъ пюпитръ; за пюпитромъ кресло, на которомъ сидѣлъ главнокомандующій въ большихъ круглыхъ серебряныхъ очкахъ, углубившійся въ разсматриваніе какой-то толстой книги. За кресломъ стоялъ экзаменаторъ мой, адъютантъ, поручикъ Корсаковъ. Войдя въ комнату, я было хотѣлъ продолжать идти до пюпитра, но былъ остановленъ мимикой поручика Корсакова, который, низко поклонившись, знаками показалъ мнѣ сдѣлать тоже. Я поклонился въ поясъ, выпрямился и ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Корсаковъ мимикой же пригласилъ меня идти. Медленно ступая по полу, я дошелъ до половины разстоянія между дверью и пюпитромъ и по данному знаку остановился и снова сдѣлалъ поясной поклонъ. Затѣмъ, по знаку же Корсакова, я продолжалъ движеніе до пюпитра и сдѣлалъ третій поклонъ. Въ это время Муравьевъ, поднявъ очки на лобъ и откинувшись на спинку кресла, устремилъ на меня строго вопросительный взглядъ. Поручикъ Корсаковъ губами показалъ мнѣ знакъ говорить. «Резервной батарее Кавказской гренадерской артиллерійской бригады юнкеръ Дроздовъ», отчеканилъ я рѣзко и съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ, ибо церемоніаль поклоновъ меня сильно возмутилъ. «А! Лѣнтяй, тупоумецъ, выгнанный вонъ изъ училища. Куда же дѣваться, какъ не въ военную службу? Она, матушка родимая, всякую сволочь пріютитъ и накормитъ». — «Я, ваше высокопревосходительство, не выгнанъ изъ училища, а окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса и, поступивъ въ военную службу, не искалъ въ ней пріюта.» — «Мальчишка! Да знаешь-ли ты, съ кѣмъ говоришь?!..» — «Знаю, ваше высокопревосходительство,» отвѣчалъ я со слезами на глазахъ.

Такое грубое привѣтствіе меня крѣпко обидѣло. Муравьевъ, должно быть, сообразивъ, что онъ безпричинно нанесъ мнѣ оскорбленіе, уже смягченнымъ тономъ спросилъ меня: «Гдѣ ты учился?» — «Въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и окончилъ курсъ съ правомъ на чинъ 12-го класса.» «Вотъ какъ! Что же, знаешь ты Персидскій языкъ?» «Могу читать и писать.» — «Продекламируй мнѣ что-нибудь изъ Гюлистана Саади.» Я продекламировалъ нѣсколько стиховъ. «Конечно и Арабскій языкъ знаешь?» — «Знаю.» «Коранъ читалъ?» «Читалъ.» «Скажи мнѣ нѣсколько начальныхъ строчекъ Корана.» Я сказалъ. «Выговоръ хорошъ. Покажи, какъ ты пишешь?» При этомъ онъ оторвалъ клочекъ бумаги и далъ мнѣ его съ карандашемъ. Я написалъ нѣсколько Персидскихъ фразъ и подаль бумагу главнокомандующему. «И по-

черкъ хорошъ. Тебѣ слѣдовало бы поступить на службу въ иностраннѣ отдѣленіе штаба». — «Я предпочитаю строй.» — «Чѣмъ ты дѣлалъ на Чакмахъ?» — «Командовалъ взводомъ орудій.» — «Страшно было?» — «Да, страшно.» — «За ящикъ не прятался?» — «Нѣтъ не прятался.» — «Кто твой отецъ? Я сказалъ. Затѣмъ посыпались вопросы о сестрахъ, братьяхъ, дядяхъ, теткахъ. Я отвѣчалъ. Наконецъ, экзамень очевидно кончился. Муравьевъ надѣлъ очки и, нагнувшись надъ пюпитромъ, снова занялся просмотриваніемъ толстой книги. Я было хотѣлъ повернуться кругомъ съ тѣмъ чтобы выйти вонъ изъ комнаты; но поручикъ Корсаковъ, замѣтивъ это, началъ пятиться назадъ, показывая этимъ мнѣ, что и я долженъ такъ же пятиться до двери. Послѣ троекратныхъ поклоновъ, пятясь назадъ, я спиною отворилъ дверь и вышелъ вонъ.

Въроятно за мой рѣзкій отвѣтъ его высокопревосходительство вычеркнулъ меня изъ награднаго списка, и за штурмъ Карса я, наравнѣ съ прочими нижними чинами, награжденъ лишь рублемъ серебромъ.

Этимъ я заканчиваю мои юношескія воспоминанія. Впереди предстоитъ еще много писать изъ моихъ воспоминаній о службѣ на Кавказѣ.

Подполковникъ И. И. Дроздовъ.